

Юрий Семёнов

ТРОПА ОБРЕЧЁННЫХ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Юрий Семенов

Тропа обреченных

«ВЕЧЕ»

1989

Семенов Ю. И.

Тропа обреченных / Ю. И. Семенов — «ВЕЧЕ»,
1989 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7999-1

В романе известного русского писателя Юрия Семенова рассказывается о героической борьбе наших контрразведчиков с бандеровцами-оуновцами в первые послевоенные годы в западных областях Украины. ОУН — Организация украинских националистов — была хорошо законспирирована, имела четкую военную структуру. В отряд бандеровцев в 1947 году заброшен по легенде сотрудник государственной безопасности. Суровую проверку учиняет ему «беспека» националистов. Но чекист выдерживает все и, продвигаясь по службе, оказывается у главарей националистического движения.

ISBN 978-5-4484-7999-1

© Семенов Ю. И., 1989

© ВЕЧЕ, 1989

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	26
Глава 10	31
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	42
Глава 14	49
Глава 15	53
Глава 16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юрий Иванович Семенов

Тропа обреченных

Роман

* * *

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство „Вече“».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Семенов Ю. И., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Часть первая

Глава 1

Следственное дело «Волынцы», законченное производством более тридцати лет назад, вновь лежало перед полковником госбезопасности Киричуком. Василий Васильевич открыл нужную страницу пухлого тома. Он хорошо помнил, а теперь всего-навсего удостоверился в том, что проходивший по делу оуновец¹ Петр Сорочинский, известный Киричуку еще по работе в Волынской области, был осужден за совершенные преступления, хотя незадолго до ареста порвал с бандеровцами, уничтожив главаря банд. Это смягчило его вину.

Никак не ожидал Василий Васильевич Киричук новой встречи с Сорочинским, да еще спустя столько лет. Вернее сказать, встрече еще предстояло состояться в управлении КГБ Донецкой области. Сейчас перед бывалым, умудренным жизненным и чекистским опытом полковником, на удивление стройным, со спокойным лицом, лежала обыкновенная ученическая тетрадь, исписанная своеобразным, округлым, как приплюснутая спираль, почерком, памятным Василию Васильевичу с той давней поры, когда на допросе связной Сорока начал давать собственноручные показания.

Слов нет, стараясь побольше смягчить свою вину, кое-какую помощь оказал тогда Сорочинский органам госбезопасности в борьбе с бандеровцами. Однако он понимал, что ему не приходится рассчитывать на прощение земляков, которым принес горе. Потому-то после отбытия наказания он подался «в восточные промышленные районы Украины для восстановления разрушенного войной народного хозяйства», как значилось в сохранившемся у него изрядно потертом направлении на работу.

В заявлении на имя начальника УКГБ Донецкой области Сорочинский писал:

«...Моя помощь работникам государственной безопасности в поиске и разгроме оуновских бандитов известна. Все это происходило в моем родном Иваническом районе Волынской области, где поселиться мне было опасно: селяне считали меня бандитом, и я решил, выйдя на свободу, направиться подальше с глаз, облюбовал работу в Донбассе.

Суть моей просьбы такова. Мне пошел шестьдесят седьмой год, когда пора подумать о покое. Тянет меня в родные края, нет мне ничего краше села Луговки на Волыни, куда я и приехал к дальним родственникам. А мне прохода там нет, ребятишки кричат: „Бандит!“ – и камнями швыряют. Земляки мне без намеков говорят в глаза: „Что заслужил... Убирался бы куда-нибудь подальше“. Обидно, хоть живым в землю ложись. Помогите мне спокойно дожить старость. Выдайте документ для сельского Совета, чтобы он, зная все, мог объяснить людям мою помощь в борьбе с бандеровцами. Ведь до чего дошло, в глаза говорят: „Уезжай, душегуб, а то прибьем“. Прошу, помогите. Куда мне деваться на старости лет? Живу в гостинице „Украина“ в номере 102. Сорочинский Петр Харитонович».

¹ ОУН (Организация украинских националистов) – фашистское объединение в Западной Украине в 1929 – начале 1950-х гг., преемница Украинской Войсковой организации (УВО). Боролась против воссоединения Западной Украины с Советской Украиной, сотрудничала с гитлеровцами. Организовывала военно-террористические формирования – УПА, боровшиеся против Советской армии в Великую Отечественную войну. После 1945 г. остатки ОУН действовали подпольно, к началу 1950-х гг. окончательно ликвидированы. (Здесь и далее – примеч. автора.)

Василий Васильевич вспомнил Сорочинского того времени – тридцатипятилетнего долговогозого детину с отвислым и всегда потным носом на сухощавом лице. А за ним сразу и лицо Марии Опанасовны Сорочинской, жены старшего брата Петра – Миколы, имевшей псевдоним Артистка. Это она в последний момент круто повернула судьбу Сорочинских, обратившись за содействием к чекистам.

Киричук снял телефонную трубку. Он захотел сообщить о заявлении Сорочинского Михаилу Степановичу Попереке, работающему начальником Управления внутренних дел Донецкой области, а в конце сороковых годов занимавшему пост заместителя министра госбезопасности Украины.

– Поперека слушает! – раздался в трубке басовитый отрывистый голос.

Киричук, улыбаясь, назвал себя.

– А-а, Василий Васильевич, доброго здоровья! Рад слышать.

– Спасибо, Михаил Степанович! Как вы-то?..

– Раны дают знать, а так, как говорится, все на уровне... Что у тебя, выкладывай, а то времени, как всегда...

Киричук придвинул к себе объемистый том следственного дела, будто хотел раскрыть его, и ответил:

– Заявление поступило от нашего общего знакомого... бывшего оуновца Сорочинского, который на Волыни...

– ...убежал из-под ареста... Как не помнить, ты тогда до света поднял меня, перепугался шибко, – хохотнул Поперека и спросил: – Ну и что он?

– Нет, убежал тогда другой. А Петро Сорочинский – тот самый, который топором порешил главаря банд... Так вот, он вернулся было на родину, в Волынскую область, а там ему житья нет, бандитом ругают, ребятишки камнями в него пуляют.

– И чего же он хочет?

– Помощи. Просит засвидетельствовать, что помогал советской власти, искупил свою вину.

– Чего он в органы госбезопасности-то обращается? Для этого есть советская власть на месте, пусть на Волыни и просит помощи.

– Там не жалуют его. О нас вспомнил в трудную пору... Старость к родным местам позвала.

– Нечего ему на Волыни делать. Тут и весь мой сказ.

– Советуете отказать ему?

Поперека малость помедлил с ответом.

– Архивное дело надо поднять, – наконец предложил он.

– Оно передо мной, а волынскую операцию с Сорочинским я и без архива никогда не забуду.

Поперека не согласился:

– Не умел я полагаться только на память, хотя она меня не подводила, тем более когда около сорока годов прошло.

– Памятное было время.

Василий Васильевич попрощался, положил трубку и мысленно ушел в ту далекую пору, о которой сейчас говорил с Поперекой.

Глава 2

Конец февраля сорок седьмого года в Волынской области стоял небывало снежным: за последние три дня, к удивлению старожилов, пушистые белые хлопья непрерывно падали и падали, засыпая села, поля и леса.

Величественный покой царил в лесу. Особенно на этом березовом островке, среди редких широкоствольных дубов с раскидистой, отяжелевшей кроной. Казалось, слегка коснись могучего ствола, он тут же сбросит с ветвей кипенно-белое убранство.

Именно об этом – сбросит! – прежде всего подумал главарь банд в прилегающих к Луцку районах Иван Гринько – надрайонный проводник ОУН по кличке Зубр, высунувшись поутру из квадратного лаза схрона² и оглядываясь вокруг. Освоившись со слепящей яркостью косых лучей восходящего солнца, проникающих сюда будто бы сквозь атласные березовые стволы, Гринько увидел слева оголенные, сбросившие снег березы. В его сознании мелькнула предостерегающая мысль: снова отрясет пришедший связной припорошенные деревья, пока достигнет по перекидной жердине дороги. Любой проезжий тут поймет, что к чему, жди тогда обкладки чекистами или «ястребками»³... От одной этой мысли у проводника сжались кулаки, отросшие ногти до боли впились в ладони. Зубру вовсе не хотелось ни покидать с верными хлопцами Дмитрием и Алексой их последнее перед «черной тропой» убежище, где он еще после болезни не успел набраться сил, ни уж тем более погибать.

Присев, Гринько протиснулся в узкий мерзлый проход и на четвереньках проник за дверцу. В прихожке-подсобке оказалось свободнее, тут можно было встать во весь рост – не удавалось это сделать лишь длинноногому Дмитро. В жилом отсеке с приходом связного Сороки стало тесно. Сейчас тот сидел на полу возле небольшого, наподобие табурета с высокими ножками, стола, развлекая лежащих на широких нарах охранников Зубра Дмитра и Алексу:

– ...А толстая мне говорит: «Я вечером думала, приласкаешься ко мне...»

Вошедший Гринько жестко посмотрел на Сороку, гаркнул:

– Хватит о бабах! Выгоню тебя, Петро, в холодный лаз до вечера!

Сорока вскинул к плечу открытую ладонь: молчу! При этом желваки на его скулах мгновенно собрались, напряглись, выдавая истинное отношение связника к замечанию. Он приметил, как тут же сошла улыбка с тощего лица костлявого Дмитро, как прикрыл глаза пухленький подросток Алекса, еще не познавший девичьего поцелуя, но уже погубивший не одну человеческую жизнь.

– О Марии позволяю рассказать, к жене брата не присмолился, надо думать? – прищурился Гринько, хихикнув нутром, так что колыхнулся ремень на животе, и вдруг остыл, спросив: – Она-то, надеюсь, не угодила за энкавэдэшный забор?

Петро свел густые, побритые поверху брови, от неожиданности соображая, что от него требуется. А потом ошаршил новостью:

– Заборчик-то, друже Зубр, сменился. Неужто Артистка не известила там в бумагах, которые принес?

– Как сменился? – Гринько, сидя, отодвинул коптилку и взял со стола скрученное в трубочку донесение. – Ты отвечай; что тебе до бумаг, когда спрашиваю?

– Так и сменился. Был энкавэдэшный, стал эмгэбэшный. С эмгэбэ нам теперь предстоит дело иметь. Тесная будет дружба, черт бы их побрал!

² Скрытое помещение с тщательно замаскированным входом.

³ Члены сельских групп самообороны от бандитов.

– Ну, будет! Запел... – склонился над привезенными Сорокой бумагами Гринько, сразу отыскав заинтересовавшую его подробность. «...В областном управлении МГБ появилось двое новых работников, они изучаются... В Теремновском районе разместилось воинское подразделение, с его участием чекисты провели в Лышенском лесу прочесный поиск против одной из групп Ворона. Сам он вместе с пятью братьями погиб».

Гринько даже вскочил на ноги от неприятной новости, ему захотелось бежать куда глаза глядят. Но ни вылезти наружу, ни тем более уйти среди бела дня было нельзя, крайне опасно. Оставалось взять себя в руки, что он и сделал было, как вдруг Сорока, не ведая о возникших у встревоженного начальника мыслях, поделился:

– Боголюбы проезжал, много военных там видел, грузовых машин... Дальше хода нет, вроде как застряли.

– Куда хода нет? – дернулся к нему Гринько. – Почему не выяснил?

– Да их повсюду понаехало, военных-то, не мне же считать.

– А с чего ты решил, что эти, в Боголюбах, застряли? – не мог скрыть обеспокоенности Гринько.

– Топчутся без дела, не квартируются, походная кухня дымит.

Гринько утер лицо рукавом, простуженно прокашлялся, хрипловато бросил:

– Была бы у меня должность «директора паники», я бы тебе ее пришил. Хотя сорока тоже птица вредная, ты идешь, а она будто знает, куда путь держишь, наперед залетает и орет на всю округу.

– К чему это вы мне, друже Зубр? – явно обиделся связной, и желваки на его скулах напряглись, подрагивая.

– Да ты не обижайся, друже Сорока, я ж шуткую. Хошь, давай кличку твою заменим, не нравится она мне.

– Меня в детстве Сорокой дразнили.

– Тем более. Кто же созвучно своей фамилии – Сорочинский – выбирает псевдо? Давай мы тебя Барометром будем звать.

– Это в честь чего именно Барометром? – очень удивился связной.

Гринько хмыкнул:

– Плохую погоду всегда предсказываешь.

На нарах засмеялись, и Зубр прикрикнул на Алексу:

– Ты что ногами дрыгаешь? Развеселился, пустая твоя макитра! Есть хочу!

Парень мигом оказался в подсобке, стало слышно, как он заширкал ножом об нож.

– Что же передать Марии... то бишь Артистке? – спросил Сорока, не привыкший, да и не любивший величать Марию – жену брата – по псевдониму. Он уже разок получил замечание Гринько на этот счет, грешным делом подумав тогда, что тот неравнодушен к обаятельной женщине с артистической натурой. Сорока и сам другой раз дивился и не различал, где Мария сама по себе, а где играет роль, причем проявляя при этом поразительную смышленость.

– Подумать надо... – уклонился от ответа Гринько. Но после паузы сказал в раздумье: – За войсковыми стоянками день и ночь надо следить, они скорей выдадут намерения... И за чекистами – само собой...

Поел Гринько одно сало с размоченным сухарем. Жевал скучно, лениво. Думал о чем-то. А потом лег на нары, сказал ворчливо:

– Храпишь ты, Барометр, по-страшному и фыркаешь, как мерин. Всю ночь не спал... под утро чекисты приснились. Ты там не приволок за собой хвоста?

Он не ждал ответа и вскоре захрапел. Прилег и Сорока. Но спать не хотелось, в душе не прошла обида от испытанного унижения. Захотелось побыстрее уйти из этого склепа. Взгляд его остановился на преспокойно игравших в карты Дмитре и Алексе, подумал: «...Ждут весны,

а весной подцепят пулю в лоб, а то и раньше... Что это я в самом деле такое предсказываю? Правда, хреновый „барометр“».

Когда Сорока проснулся, Зубр, к его удивлению, уже стоял в полупальто и черной папахе.

– Сиди тут, Сорока, до «черной тропы», дальнейшие указания пришлю с Дмитрием, – властно распорядился надрайонный проводник.

Снегопад, кругом тихо, покойно. До сумерек было еще далеко. Гринько умышленно вышел несколько пораньше, чтобы не спеша переправиться к дороге и успеть вовремя к подходу лошади. Он ловко взобрался по наклонной жердине на дереве – нельзя оставлять на снегу следов – и подал знак рукой Дмитрию, чтобы тот шел за ним.

Досадное зло взяло связного Сороку почему-то в тот момент, когда долговязый Дмитрий неуклюже начал взбираться по жердине вверх и чуть было не сорвался с нее возле самого дерева, если бы не подхватил его сильной рукой Гринько. Жердину они перекинули на соседний дуб.

«Трус ты! – мысленно прокричал Сорока в спину Гринько. – А еще Зубром называешься... И зачем я тебе об этих войсках рассказал? Вот ты чего испугался: как бы сюда не нагрянули... Получается, мы погибай... У-у, так бы и всадил пулю в твою спину!»

Глава 3

Самолет качнулся, пошел на снижение. Генерал-майор Поперека посмотрел в иллюминатор, сказал вдруг:

– Зима дает отдых и возвращает молодость! – И на вопросительный взгляд Киричука добавил: – А для бандитов в схронах зима губительна, после нее они как истощавшие вконец клопы. Однако с двух-трех заходов их не изведешь...

«Вон о чем он, Михаил Степанович», – подумал Киричук, несколько удивившись тому, что один из руководителей Министерства госбезопасности Украины определенно не знает, с какого захода можно окончательно покончить с оуновцами. Так он и сказал Попереке.

– Прыткий какой, – басовито густо отозвался тот и предложил: – Не возражаю, если конкретно скажешь, сколько тебе нужно сделать заходов, чтобы определенно доложить, что с оуновскими бандами в Волынской области покончено. – И тут же перешел на официальный тон: – Ориентирую на борьбу серьезную.

– Это ясно, товарищ генерал. Одного понять не могу: что ОУН думает о себе и на что рассчитывает? Не такие же они глупые, чтобы не знать, что их ждет.

– Азартный игрок всегда на что-то надеется, тем более когда идет ва-банк, – подметил Поперека.

– Чем же тогда больше страдают оуновские верхи: недальновидностью, тугоумием или, наконец, отчаянием обреченного, порождающим жестокость? – увлеченно продолжал докапываться Киричук.

– Всем сразу, Василий Васильевич, страдают, а держатся-то, считай, подогревом новой гнусной надежды, – четко заключил Поперека, тряхнувшись от толчка приземлившегося самолета.

– Какой такой «гнусной надежды»? – не понял Киричук. – Их жданки развеяло в пыль, в прах задолго до мая сорок пятого. Или прошлое их ничему не научило, к новому хозяину ластятся?

– Приластались уже, Василий Васильевич, и к рукам прибранны, инструкции получили далеко идущие на случай войны Запада с Востоком и даже на случай поражения. Вот так!

– Это для меня ново... – продолжал вдумываться в услышанное Киричук.

А Поперека продолжал:

– Одной из главных целей оуновских банд, надо думать, станет метод выживания. Не от хорошей жизни, как говорится. Выживание с целью продержаться и сохранить силы до новой, обещанной им в течение ближайших десяти лет войны с Советским Союзом.

– Задача у нас сложнее, чем я предполагал, – сделал для себя вывод Киричук и спросил: – Есть верные сведения о сохранении и накоплении сил оуновцами или это наше заключение?

– Поступили инструкции для ОУН с Запада, в них оговорено «на случай войны» и «на случай поражения». Из них следует то, что я сказал. Да вы, Василий Васильевич, познакомьтесь с ними. И добудете новые, свежие, будьте уверены.

...Между тем из приземлившегося самолета выбросили металлическую лесенку, и первым по ней, пригибаясь, сошел могуче сложенный Поперека. Следом за ним появился Киричук. Высокий, подтянутый, он легко спрыгнул на землю, устремился навстречу начальнику управления МГБ Волынской области полковнику Исаенко.

– Получается, Иван Афанасьевич, – обратился Поперека к Исаенко, – я не только подержал просьбу назначить прежнего твоего сослуживца подполковника Киричука заместителем начальника управления, но и самолично доставил его. Однако не будем терять времени. Нужно потолковать об обстановке и наших задачах перед открытием «черной тропы» оуновцев, когда сойдет снег с полей и они активизируют свои действия.

– Мы уже опередили бандитов, погромили их, – охотно поделился Исаенко, когда они вошли в его кабинет.

– Это можно было бы счесть успехом, если бы не некоторые обстоятельства, – остудил его Поперека. – Не понимаешь? Вы наскоком метете рядовых бандитов, а вам надо дотянуться до уцелевших главарей. Ясно?.. А как вы думаете?

– Мы ликвидировали не только рядовых, но и главаря банд – районного проводника Ворона, захватили схрон, – энергично возразил Исаенко.

– Я и говорю: если бы не некоторые обстоятельства. Но они случайны. Не окажись без всякого ожидания этот Ворон в лесном схроне, на который вы навалились, в чем был бы ваш успех? Нельзя на случай надеяться.

– Ну а взятые в схроне документы? На них мы рассчитывали и взяли, – вскинул крепко сжатый кулак Исаенко.

– Ты с таким чувством изобразил захваченное, что можно подумать – Ворона вскинул за шиворот.

– Что вам Ворон? Другого возьмем живым, – уверенно пообещал Исаенко.

– Все то же, Иван Афанасьевич, – стоял на своем Поперека. – Нельзя нам по сомнительным данным бросать силы на прочесывание леса, чтобы в результате натолкнуться на несколько затаившихся бандитов. Прежде всего нужно использовать свои чекистские возможности, а уж по ходу дела, если возникнет необходимость, применить прочесывание. На трудовой народ следует крепче опираться! Население давно поняло, что собой представляют украинские националисты, узнало их как пособников и верных холуев гитлеровских оккупантов, как палачей. Мы должны нанести решительный удар по бандитскому подполью, вернее, его остаткам на Волыни.

Киричук уяснял самое необходимое для начала:

– Что нам известно, товарищ генерал, о главарях ОУН районного масштаба, с кем больше всего нам иметь дело? О бандах?

Поперека подошел к стене, отшторил крупно расчерченную схему, говоря:

– Предстоит оперативно установить действующих проводников, как они именуют руководителей банд по своей условной структуре, дислокацию и численность банд, выявить связанных, эсбистов, ведающих службой безопасности, и добиться, как этого требует партия, полной ликвидации оуновского бандитизма. И одна из главных задач, от решения которой зависит успех всего дела, – внедрение в их среду наших людей. Эту работу надо вести с величайшей осторожностью и продуманно. Мы должны знать их замыслы, обязаны выходить на руководителей ОУН как районного, так и старшего ранга. Надеюсь, тут пояснений не требуется.

– Все понятно, – сказал Киричук. – Это сложное дело. Тут нельзя пробовать, экспериментировать, цена – жизнь! – здесь надо на все сто с гарантией разработать операцию и сыграть...

– Ну и разыгрывайте «с кровью без крови, истерику без слез»... – машинально произнес Поперека поговорку давнего своего друга-чекиста и вдруг воскликнул: – Пойдите, пойдите! Так это же Антон Сухарь голос подает, в привычное ему дело просится. Как же это я не вспомнил его сразу? Вот кто для этой цели может подойти. Хотя вы, я уверен, и здесь найдете толковых работников, способных справиться с таким сложным делом, но все-таки... Закажи-ка, Иван Афанасьевич, по срочному Полтаву, пусть позовут к аппарату капитана Сухаря.

Исаенко снял телефонную трубку специальной связи.

А Михаилу Степановичу уже не сиделось. Заложив руки за спину, он грузно шагнул по кабинету, рассказывая:

– Мы с Антоном Тимофеевичем перед войной такую чистую операцию провели, что он чуть ли не вплотную приблизился к верхушке ОУН. Его уже послали учиться в немецкую разведшколу под Грубешовом, в Польше, да война сбила планы. Не слишком громких, но приметных удач добился.

Киричук вставил:

– Выходит, представляется возможность, имея опыт и, так сказать, «оуновское прошлое», проникнуть к бандитским верхам.

Раздался глухой сигнал телефонного аппарата. Генерал снял трубку, густо произнес:

– Поперека! Слушаю!.. Здравствуй, капитан! Узнал, что ли? Чего у тебя голос сиплый?.. Я же говорил, береги горло, а то сердце расштатаеть этой ангиной... Тебе ведь на новом месте работы с нею никак нельзя. Как на каком новом? Я разве не сказал?.. Вольноопределяющимся хочу тебя сделать. Не возражаешь? Ты не забыл школу абвера, в которой учился перед войной? Да нет, ни подрывать, ни с самолета прыгать не придется... Кое с кем из старых твоих знакомых повидаться желательно. Через три дня жду тебя в Киеве, распоряжение сегодня дам. Работать начнешь на территории Волынской области. Больше ничего не скажу, потому что операцию надо еще разработать. Вместе над ней поразмышляем, у нас так надежнее выходит. Правильно говорю?.. Кстати, твой дядька лесник жив?.. Он все там же работает? Сухарь его фамилия, не ошибаюсь? Да, встречался я с ним... Ну вот, Антон Тимофеевич, опять мы с тобой на прежние, довоенные места шагнем. До скорой встречи!

Глава 4

Неказистая лохмоногая лошаденка без понукания бежала довольно шустро по свежепропорошенной дороге в Садовском лесу, как будто понимала, что подсевшим в сани двоим седокам очень некогда, к тому же оставаться им на виду небезопасно.

Яростно ненавидел Гринько советскую власть, которая лишила его мельницы и пяти гектаров земли, на которых сезонно работало полдюжины батраков. Но крайняя жестокость, с какой он зверствовал, еще руководя бандой, подразумевала более ощутимые материальные потери.

Назначение Гринько надрайонным проводником – вожаком банд в близлежащих к Луцку районах изменило его психологию и поступки. И не случайно, видать, он сменил свою былую кличку Волкодав на Зубр, вложив в новое название, безусловно, определенный смысл.

Он подумал о брошенном схроне, с успокоением надеясь на скорое тепло и горячую еду. Хорошо бы наваристого борща, который умела на объеденье готовить Явдоха, жена Сморчка – Яшки Бибы, под домом которого на окраине города – просторный схрон для крайнего случая и подобающего главаря, с надежной вентиляцией и запасным выходом через колодец. Гринько и сейчас мог проникнуть в схрон, не заходя в дом. Но нужды в этом не видел. Потайной лаз служил прежде всего выходом при опасности.

Гринько поймал себя на мысли: о чем бы он ни думал, каждый раз на его пути вставала Мария Сорочинская, Артистка, носившая поначалу нежное прозвище Ласка, данное ей еще в девичестве безмерно влюбленным Миколой, будущим мужем, да так и приставшее к ней больше собственного имени. Это теперь Микола почти не произносит «будь ласка», очерствел мужик.

Подъезжая к окраине Луцка, Гринько вдруг спрыгнул с саней, пошел рядом.

– Слазь-ка и ты, Дмитро-мурло, – бросил он, – сейчас у развилки свернем, так неприметней будет. А ты возвращайся, – махнул вознице.

Парень стеганул коня, и вскоре стихли и легкий хрип лошади, и скрип полозьев. Только слышались торопливые шаги двоих, входящих в город.

Гринько теперь занимало одно: дома ли Яшка с Явдохой и все ли у них ладно? Об этом узнает охранник, а сам он переждет за сараем в соседнем дворе.

Дмитро же будто пробудился от обидного обращения «Дмитро-мурло», напомнившего ему неприятные моменты в отношениях с хозяином. Семнадцатилетним пошел он в батраки к старшему Гринько. В тот же день и обозвал Иван Гринько нового работника «мурлом», сразу же невзлюбив парня за то, что тот был и ростом повыше, и складного мускулистого обличья, и на лицо попривлекательнее, с укладистой русой шевелюрой. Потому и обидно было слушать Дмитро от кривоногого недоростка с глубоко запавшими глазами обидные слова «мурло», «рыло», больше подходившие ему, Ивану, особенно сейчас, – обросшему и немытому.

Политика не интересовала Дмитро. Без образования и с ленивым умом жил человек. У него была одна забота: как помочь парализованной матери. Теперь помощь не требовалась. В прошлом году она умерла. Иван Гринько расчетливо одолжил денег на похороны, чем окончательно привязал к себе бывшего батрака. Хозяин без стеснения называл его «холуем», зная – тот и не заметит унижения. А Дмитро замечал и порой сильно обижался, но помалкивал, потому как деваться было некуда: либо смерть, либо тюрьма. А душа противилась и тому и другому. Поэтому любое приказание своего хозяина выполнял с услужливым рвением, как и Алекса, насильно уведенный Зубром в лес. Вот и сейчас, когда Гринько сказал: «Иди к Яшкиному дому, не забыл, поди, стукни три раза в крайнюю слева раму; если все в порядке, мигни из дома светом в окне. Да не болтай долго, а то ведь пока твое ненасытное мурло не нажрется,

о деле не вспомнишь. Не спеши, но и не морозь меня, понял?» – Дмитро бросился исполнять поручение.

Надо сказать, Гринько зря сказал на связного, что он «ненасытное мурло». Парень, хотя и любил поесть, никогда не позволял себе сесть за стол, не завершив неотложное дело. Да и никто не пригласит его сразу к столу, человека на побегушках.

Уйдя к сараям и оглядевшись, Гринько с сонным видом тарашил запавшие глаза на кухонное окно, перекатывая на скулах тугие желваки: то ли нервничал, то ли действительно застыл и зверски проголодался.

Свет в кухонном окне не мигнул, а просто на крыльцо вышел худенький, неразличимый в темноте Яшка, спустился к уложенным в штабель у сарая дровам и тоненько сказал в темноту:

– Пошли в хату.

Явдоха всплеснула руками, увидя Зубра, что должно было означать: слава богу, живой, и я рада, будь как дома. Накрывая на стол, она словно плыла по комнате и была похожа на крупную свеклу хвостиком кверху – собранные в узел на темени волосы торчали кисточкой, и сама она, полная, розовенькая, совсем без шеи, наигранно улыбалась, успевая и дело делать, и в бок сунуть мужу, который, без слов поняв ее, шмыгнул за самогонкой.

– Яков, присядь-ка возле. – За руку притянув к себе хозяина, Гринько взял из его рук граненый штоф, налил три рюмки. Никому не предлагая, выплеснул самогонку в рот и набил его ржаным хлебом, нетерпеливо начал жевать. – Все ли ладно? – спросил он наконец и резко предложил: – Пейте, чего переглядываетесь!

Яшка с Дмитром церемонно опорожнили рюмки.

– Происшествиев особых нет, но и что все ладно, не скажешь, – подцепив корявыми пальцами кусок огурца из тарелки, начал Яшка Биба. Он всегда говорил путано, даже если все обстояло благополучно. Можно сказать кратко и просто: «Задание выполнено». А он обязательно напустит тумана: «Надо бы затемно, – а связной засветло потащился передать „гриппс“⁴, а то бы, если на мосту оказался их торчальщик, встреча хотя бы и состоялась, а там кто знает, чем бы все кончилось, может, была бы заварушка для нас вовсе нежелательная...» И когда тошно становится слушать Яшку, его перебивают. Явдоха говорит, он привык придуряться на людях и не сразу из этого состояния способен выйти. И верно, Сморчок был преушлый, понятливый человек, ему не требовалось дважды повторять одно и то же, а задания он выполнял с завидной быстротой и точностью, но говорить начнет, будто перед следователем в придурковатость впадает. И если тут не помощь Явдохи – только цыкнет на него, – нормально, без витиеватости, излагать свои мысли Яков не способен.

Зная эту слабость Бибы, Гринько нетерпеливо спросил:

– Какие же «не особые происшествия» и что «неладно», ты конкретнее давай, не тяни.

– Ну где же ладно, когда Артистка на базаре бабе морду побила, а ее мужику двухведерную кадку с остатками капусты на башку напялила.

– Может, за дело? – слегка улыбнулся Гринько, но поправился: – Незачем, конечно, к себе внимание привлекать!.. Ну а мужик что?

– Милицейскую свистульку в зубы и давай свиристеть, на подмогу звать.

– Совсем плохо... – хмурясь, круто качнул головой Гринько.

– Это еще не совсем погано, – подзадорил Яков. – Марья, то есть Артистка, ну так и есть артистка заслуженна, такую спектаклю разыграла на людях, за нее боязно. Куда умная дура полезла, сидела бы себе в тенечке. Серьезным делом порученным орудует, к чему ей физзарядка...

– Что за спектакль, куда ты разговор уводишь? – одернул Гринько.

Биба выпучил глаза – чего тут непонятного? – ответил:

⁴ Документ секретной переписки оуновцев.

– Свисток вырвала у мужика, уцепила верзилу за отвороты шинели да так рванула вниз – двумя полосами разодрала края бортов донизу. Тут два милиционера прибежали, схватить Марью хотели, сдержать, но не могут, она одному локтем в грудь, тот кубарем... Народ хохочет, потехой исходит, сгрудился, тут Марья-то и уткнула. Вот чего ей теперь за это дело будет?

– Ничего не будет, – зло бросил Гринько. – На вид себя выставила... Сова в городе?

– Тут он, под тобой, в схроне. Позвать, что ль? – поднялся Биба.

– Сам спущусь к нему, – усадил хозяина на табурет Гринько. Он обрадовался, что сможет повидать своего эсбиста⁵ Сову и узнать от него побольше и потолковее информацию. Поэтому интерес у него к Сморчку пропал. Выпив еще рюмку, он приказал Якову: – Артистку мне в любую пору до завтрашнего утра доставь. Да чтоб без ее Миколы, пусть не болтается тут возле дома. Сам присмотришь. А теперь проводи нас с Дмитрием в подпол.

Просторный схрон Бибы под сенями и сараем Гринько считал самым уютным. Сюда затащили даже кровать из железных прутьев.

Яков засветил лампу, и Гринько увидел на койке спящего в телогрейке и сапогах Сову. Тот не пробудился даже тогда, когда Гринько громко заговорил, взяв со стола бутылку с остатком самогонки:

– Нажрался, скот... Зачем, Яков, дал? – напустился проводник на Бибу.

– Так Сова же с собой принес, бутылка не моя, – оправдывался тот, раскрывая шкафчик. – Моя вот, немецкая, пузатая, это энээ, я ему так и сказал, неприкосновенный запас.

– Чего ж в ней половина? – затормошил спящего Гринько.

Эсбист вскочил с постели, лохматый, большелобый, со сплюснутым кривым носом и неестественно узким, будто в насмешку срезанным, подбородком.

– А-а?! – дико рыгнул он, утер ладонью губы и так довольно ощерился, узнав своего жоака, что, казалось, готов был броситься в объятия. Да вовремя успел сообразить, что от него разит перегаром. А потому только сделал приглашающий жест присесть, простуженно говоря: – Надо же! Не думал, не гадал. Друже Зубр! Вовремя! Как же вы вовремя! Голова кругом идет...

– Пить надо меньше, – жестко бросил Гринько, присаживаясь на короткую лавку. – Тебя же голыми руками бери, не только шороха, голосов не чуешь. А тебе это непозволительно по рангу.

– Учту, виноват... – покаялся эсбист. – Простудился, решил полечиться.

– Я так и подумал, друже Сова, – примирительно заключил Гринько и все же предостерег: – Повторов избегай, не допущу я, чтобы моего знающего помощника потрошили чекисты.

– Резон есть, – согласился тот.

– Сверху не слышно весенних указаний? – поинтересовался Гринько.

– Артистку попытайте, через нее же связь к краевому проводнику Хмурому... – тонко хихикнул эсбист, добавив: – Может, у нее с ним поближе контакт.

– Ты мне это брось! – возмутился Гринько, но, видать, поторопился выразить свои эмоции, заинтересованно спросил: – Что-нибудь известно тебе?

– Ни-и, шуткую, – замахал руками Сова, поняв, что сболтнул не просто лишнее, но и опасное для себя.

Об этом же сказал ему и Гринько:

– Ты учти, ночная птица, Хмурый не переносит любопытных, поэтому твои догадки могут сильно напортить тебе. Я не скажу, другой выслужится... Ты это понял. Опохмелись на здоровье, если охота есть. Да спать давай. Кровать моя. Всё! Гаси свет.

⁵ СБ – служба безопасности в ОУН.

Глава 5

Отправляясь представить нового своего заместителя первому секретарю обкома партии Профатилову, полковник Исаенко говорил Киричуку:

– Учти, Василий Васильевич, будешь говорить с Ильей Ивановичем, помни, он человек опытный, отлично изучил местное население, знаком со множеством людей. И главное – всегда чувствует и знает обстановку. Обрати внимание: чувствует! Ты с этим столкнешься не раз... Во все вникает, но не по мелочам. Так что от тебя, Василий Васильевич, уже сегодня требуется широта познания и глубина мышления в новом качестве.

– Я еще в курс дела не вошел, – напомнил Киричук.

– Принял командование, значит, за все и в ответе, – пояснил Исаенко. – Бандитам все равно, когда мы приходим, когда уходим. Кстати, припомни-ка, что говорил твой наставник юности Наумцов: «Чекист с четверть оборота должен подключаться к любой оперативной скорости». Я верно помню?

У Киричука потеплели и оживились глаза.

– Смотри-ка, помнишь, – удивился он. – Федор Владимирович при этом еще добавлял: «Не теряя ориентировки».

– Разумное дополнение, – поддержал Исаенко и спросил: – Тебе известно, где он сейчас?

Этого Киричук не знал и был чрезвычайно обрадован, услышав, что Наумцов жив и здоров, работает в Запорожском управлении МГБ. Да и как было не обрадоваться вести о чекисте, по которому сверял меру человеческой порядочности и крепости духа в людях.

Они познакомились в начале тридцатых годов, обучаясь в Винницком гидромелиоративном техникуме. Киричуку было семнадцать, а коммунисту Федору Наумцову – все двадцать пять. Он уволился в запас младшим командиром из кавалерийского полка корпуса червонных казаков. Влияние старшего на формирование личности вступающего в жизнь смышленного паренька было огромным, как в понимании долга, дисциплины, так и щепетильной обязательности во всем, пригодившихся Василию Васильевичу в многолетней чекистской работе.

А прежде была работа по специальности в Казахстане: они разъехались из Винницы в разные стороны. Переписывались. В одном из писем Федор Владимирович сообщил о том, что стал сотрудником ОГПУ.

В школьные годы Киричуку приходилось встречать военных с вышитым на рукаве щитом и мечом в овале. Он знал, что это чекистский отличительный знак, и благоговел перед сотрудниками ОГПУ. Забывая обо всем на свете, ходил за ними по улице. Чекисты вызывали у него трепетное уважение: они боролись со шпионами, с врагами. И вдруг простой, хорошо знакомый человек стал чекистом. Нестерпимо захотелось последовать его примеру. Наумцов одобрил это желание, предупредив молодого друга о том, что в предстоящей работе у него до конца дней должно быть горячее сердце, холодная голова и чистые руки. Тогда Киричук еще не знал, что это слова Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В сентябре 1933 года по путевке Южно-Казахстанского обкома комсомола Киричук стал сотрудником органов госбезопасности. Войну встретил на посту заместителя начальника управления НКГБ Ферганской области. А осенью чекистская судьба свела его с Исаенко в военной контрразведке при формируемой 53-й отдельной армии. Тут-то им и довелось узнать врагов иного рода – оуновцев.

Исаенко не забыл, как умело разоблачил Киричук законспирированных бандеровцев, которые стремились проникнуть в действующую армию с целью сбора шпионских сведений, убийства командиров и политработников. Поэтому после войны, когда ему потребовался заместитель, непосредственно руководящий борьбой с бандеровским подпольем на Волыни, пол-

ковник Исаенко вспомнил о Киричуке, и в этой новой должности Василий Васильевич должен был сейчас представиться первому секретарю обкома партии.

Профатилов приветливо встретил руководителей государственной безопасности на Волыни. Небольшого роста, плотного телосложения, он был словно влит в темно-синий френч, какие носили партийные работники довоенной и послевоенной поры. Привычно выйдя из-за стола, он радушно пригласил всех к небольшому диванчику, стоящему в углу кабинета.

– Я достаточно осведомлен о вас, Василий Васильевич, а обо мне полковник Исаенко, пожалуй, успел уже вам рассказать, так что, будем считать, знакомство состоялось.

– Вы правы, Илья Иванович, пуд соли все равно за один присест не съедим, – поддержал Киричук.

– За присест не надо, а в принципе я за то, чтобы мы с вами дольше работали. Для начала я не стану пускаться в наставления. Поживите, оглядитесь. Постоянно помните о том, что мы затащили ликвидацию вооруженных банд, отчего сдерживается осуществление важных социальных, экономических и политических мер, предпринимаемых в перестройке хозяйства. Нам необходимо укрепление местных органов советской власти и правопорядка. Работа преогромная. Она требует полной самоотдачи.

– А иначе работать нам еще не приходилось, – выразил привычную готовность Киричук.

– Знаю, выспаться часто не доводилось... – с пониманием подметил Профатилов. – Но стоящие перед нами задачи требуют еще энергичнее вести борьбу с остатками банд. Мы не должны допускать, чтобы у нас продолжали гибнуть люди.

Исаенко вставил:

– Гибнут прежде всего самые активные люди.

– К сожалению, да, – поддержал Профатилов. – А недобитые оуновцы мешают населению полнокровно жить и работать в полную силу. Сказать прямо, они в яростной злобе готовы смести все, что им мешает. А у крестьян не всегда хватает духа дать решительный отпор бандам. Прошлой осенью бандеровцы особо начали охотиться за «ястребками». Имейте это в виду, чтобы не повторились уроки прошлого. Напомните об этом майору Рожкову, он занимается с группами самообороны.

– Учтем! – сделал пометку в блокноте Киричук и заверил: – Возьму на контроль.

– Необходима, товарищи, большая организованность населения, убежденность людей в правоте нашего дела. А для этого какие усилия мы должны проявлять постоянно? – вопросительно посмотрел на Исаенко и Киричука секретарь обкома.

– Известно какие... – живо откликнулся Исаенко. – Всего себя отдать на то, чтобы покончить с националистическим бандитизмом.

– Нет, этого недостаточно, – решительно возразил Профатилов. – Я имею в виду постоянное участие чекистов в пропагандистско-разъяснительной работе среди населения. В идеологической борьбе мы не должны терять души людей ни при каких обстоятельствах. Надо постоянно воспитывать людей, прежде всего молодежь, убежденными социальными борцами, которые не отступят перед устрашением. Мы знаем, пополнение оуновских банд происходит чрезвычайно туго, в основном за счет обманутых и силком уведенных в лес, которых бандиты стараются сразу скомпрометировать участием в кровопролитном акте.

– Скрепляют кровью, как они говорят, чтобы новичок не сбежал, боялся наказания, – сделал пояснение Исаенко.

– Само собой разумеется, это не ново. – Избегая лишних растолковываний, Василий Васильевич продолжал слушать секретаря обкома партии.

– Таких рядовых бандеровцев, далеких от националистических идей, много, надо сказать. Их было бы значительно меньше, проводили бы необходимую работу не только пропагандистского характера. Например, у меня есть точные данные, сколько призывников вместо службы в армии угодили в лес. Увели их бандиты от родного дома. Кто воспротивился, тех убили либо

покалечили. Как видите, лесные шустряки поразворотливее оказались военкомовских работников, а чекисты тут вообще не сработали. И это очень плохо... Повторюсь, прежде всего помните о постоянном участии чекистов в разъяснительной работе.

– Понятно... Илья Иванович, – задумавшись и как бы не соглашаясь с чем-то, сказал Исаенко. – Чекист – прежде всего боец партии, это ясно, а в наших условиях он еще и воин на переднем рубеже... Но не забываем ли мы при этом одну очень важную особенность нашего труда: за чекиста никто не сделает его основной, так сказать, кровной работы, на которую он поставлен, ибо наши функции...

Профатилов приподнял руку, спрашивая:

– А разве входило в четко определенные функции чекистов двадцатых годов бороться с беспризорностью? – и тут же ответил: – Нет, не входило. Но чекисты благороднейшим образом справились с этой необычной для них задачей.

Киричук счел нужным высказать свое мнение:

– Насколько я понял, Илья Иванович, чекист обязан использовать любую возможность для разъяснения населению сущности социалистических преобразований.

– И непременно раскрывать суть украинского буржуазного национализма, для чего необходима соответствующая подготовка, – задержал взгляд на Киричуке Профатилов. – Это, Василий Васильевич, касается не только вас, как новичка на Волыни. Я, например, постоянно читаю соответствующую литературу и нахожу кое-что любопытное. Да вот хотя бы взять небезызвестного прислужника Гитлера митрополита Шептицкого, того самого, который в сорок первом году написал об Украине как о подневольной фашистам территории, народ которой не имеет права на свободу и свою суверенную державу. Не стану касаться известных его изречений о том, что властвовать могут «Богом избранные единицы», что «работник не имеет права на собственность» и тому подобное. Все это мы в разных вариантах слышали. И вдруг обнаруживаю введенное Шептицким понятие «национальная держава» вместо «украинская держава», этакий смысловой выверт типа «рідна хата», «всенациональная хата».

– Вот тебе и самостийная Украина... – оживленно подхватил Исаенко. – А все оттуда же, от собственничества: навоз возле хаты – мой! Тронь – на вилы подымет. И государственность у националистов, униатских священников в том же духе: Украина для украинцев. Прежде всего собственность! Единоличное представление своего хозяйства и государства.

– Так что, Василий Васильевич, вам на ходу придется познавать тонкости реакционной националистической идеологии украинских собственников – злобствующих врагов коренных интересов трудящихся, – закончил секретарь обкома, добавив: – Они понимают, их карта бита. Мы должны поскорее дать людям возможность спокойно трудиться.

Глава 6

Не восхищаться своим чутким слухом Зубр не мог: «верный страж» его ни разу не подвел. Вот и сейчас, едва скрипнула ляда – деревянная крышка лаза, Гринько тут же пробудился; по тихим приближающимся шагам узнал Яшкину походку, неспешную и даже как будто с сонной ленцой, не дающей повода к беспокойству.

Скрипнула дощатая дверь в схрон, и, прежде чем вспыхнул трехцветный немецкий фонарик, раздалось предупредительное, вполголоса, пожелание доброго утра.

– Друже... Я это... это я с делом. – Чуть ли не у самого носа Гринько вспыхнул, ослепив, фонарик. Тот отмахнулся, зло обругал:

– Слепишь, паразит! Тюкну я тебя, Сморчок, наведешь ты меня на грех.

– Так это, вчера-то вы сами и велели... до утра чтоб, вот я и говорю, тут она, в боковушке ждет, сердитая, а улыбается.

– Артистка! – с придыхом вырвалось у Гринько, схватившегося за небритый подбородок.

– Буди, говорит, Ивана... вас, значит, удача мне подвалила.

– Какая удача? – беспокойно спросил Гринько, надевая пиджак и по привычке проверяя, все ли цело в карманах. Уточнил: – Она так и сказала: «Ивана» – или как иначе?

– Да, так и повеличала, как же еще, – говорил Яшка, сам не зная почему скрывая произнесенное Артисткой: «Буди Ваньку, некогда мне ждать кобеля... ночью, видите ли, доставь... что я ему? Зови, говорю, а то уйду. Он тут должен был сидеть и терпеливо слушать, когда моя ножка скрипнет половицей на порожке». Властная женщина засмеялась, и непонятно было Бибе, всерьез ли она говорила или шутила.

– Это само собой, – кивнул Гринько и привычно распорядился: – Иди живо приготовь мне все для бритья; чистую, получше, рубаху достань, гребень не забудь, второй месяц пятерней причесываюсь... а сама пусть в боковушке сидит, пока не явлюсь. – И, уже подымаясь по лестнице вслед за Яшкой из подпола, добавил: – Явдоха пусть столик накроет, винцо там, яблочки... С дамой все-таки, они это ценят, тем более такая помощница.

В прихожке он слегка подмигнул Явдохе, несшей начищенный до яркой желтизны самовар, и та, довольная, расплылась в улыбке. Легко обманываются женщины, отвыкшие от приветливого внимания. А знай она мысли этого угрюмого человека, наверняка бы ошпарила его провальные глаза. Оскорбительно-обидное подумал о ней Зубр: «Сама как свинья, и зрачки поросычьи сияют...»

Яшка принес полотенце, бритву, поправил ее на оселке и, манерно откинув мизинец, подал Гринько. Тот уже намылился и, задернув мешковатую занавеску в закутке у печки, где висел рукомойник, сунулся носом в осколок зеркала, твердой рукой ловко заработал бритвой.

Из закутка вышел посвежевшим и, тихо приблизившись к приоткрытой двери в боковушку, прильнул к щели. Он прямо-таки впился глазами в преспокойно сидевшую на табурете обожаемую женщину. Мария мечтательно смотрела в окно. Никогда еще Зубр не видел лицо Артистки таким одухотворенным, загадочным, будто перед ним сидела не бойкая, давно известная ему игривая хохотунья с кудельками на висках, а совершенно другая женщина.

«У, сатана!» – мысленно вырвалось у Гринько, и он распахнул дверь:

– Слава Украине!

– Героям слава! – чуть приподнялась она со скрипучего табурета, подавая руку, и снова опустила на него.

– Здравствуй, Артисточка. Рад видеть тебя в добром здравии.

– Будь и ты здоров, Зубр. Что-то не нравится мне твоя личность, болел, слышала.

– Личность моя крепко здорова, к ней хвороба не причастна!

– Зачем позвал? – вдруг непривычно строго спросила Мария и добавила вовсе не по рангу поучающе: – Не надо бы превращать хату Сморчка в расхожий постой. Очень даже зря... Заследили главный запасник Хмурого. Не одобрит он.

– Я и не знал, что ты так шибко осведомлена, дорогуша.

В этот момент с улыбочивым «извиняйте» всплыла Явдоха, высоко держа в руках самовар, а следом за ней, пружиня на хворых ногах, торжественно нес перед собой граненый штоф с вишневой настойкой и тарелку моченых яблок шустрый Яков, успевший раньше хозяйки поставить угощение на стол да еще выложить из кармана кулечек с конфетами-подушечками.

Когда хозяйева ушли, Гринько взял с этажерки две чашки, протер их полотенцем, налил вина. Он делал все это молча, по-домашнему деловито, не глядя на Марию. А та наблюдала за ним с тем любопытством, с каким присматривают за ребенком, взявшимся за непривычное занятие.

– Будь ласка, выпей за нашу удачу! – предложил Гринько и, подождав, пока Мария подняла чашку, чокнулся, разом выпил.

– За удачу!.. – охотно подхватила она и, сделав несколько глотков, отставила чашку. Заговорила напористо, властно: – Задачей номер один Хмурый ставит перед «черной тропой» уточнить и доложить численность оставшихся боевков, потери за три зимних месяца, наличие оружия и боеприпасов, возможность их пополнения, а также все о дезертирах, сомнительных лицах.

– Об этом наверняка в «грипсе» сказано, – испытующе посмотрел в глаза Марии Гринько, беря у нее послание Хмурого.

– Не знаю я, что в «грипсе», не любопытна, говорю то, что велено передать на словах.

– Кем велено? – резко спросил Зубр. – Не Хмурый же благодетельствовал тебя личным вниманием?

– А почему бы и нет? – с вызовом бросила Артистка, спохватившись: а вдруг Зубр принимает ее слова за чистую монету, и как бы тут не переиграть...

Она заметила, как в лице, в глазах Гринько собралась готовая взорваться напряженность, а потому встала, прошлась по комнате, поигрывая округлыми бедрами – знала, бестия, чем сбить недовольство мужика, который не мог оторвать от нее глаз. Она повернулась к нему, сказала просто и душевно:

– Хмурым велено. Только я, Иван, чай с ним не распивала и не сидела вот так. В глаза его не видела. Говорю, велели передать. В следующую пятницу с темнотой явишься в хату Шульги в Боголюбых известной тебе дорогой, строго обязательно. Кумекай сам. С данными, о которых говорила. А завтра вечером я тебе принесу кое-какие известия о причине ареста наших троих в Луцке. Пока сходимся на одном: что-то выдали захваченные чекистами «грипсы» в схроне Ворона. Да ведь там фамилии не упоминаются. Наверное, какую-то промашку допустили, по тексту кто-то из них выплыл... Самой не по себе, как бы не подцепили, потому и рассерчала, когда позвал меня. Еще бы не хватало тебя завалить. Проходными дворами круг дала.

Высказанная Артисткой забота о Зубре была фальшивой, и они оба понимали это. Уловив тревогу во взгляде Гринько, Артистка плеснула масла в огонь:

– Добра не жди!

– Какого добра?! От кого? – повысил голос Гринько, успевший распечатать и прочитать небольшой по содержанию «грипс»: «Друже Зубр! Жду. Бог. Брат III. 4.22 X 1224», что означало: «Жду в Боголюбых у брата Шульги в четверг 22-го числа. Хмурый».

Артистка молча поднялась, не ответила.

– Больно ты осведомлена, вижу. Своим умом дошла али как?

– Ты меня вроде бы за глупую не считал. Чего же сейчас дуришь? – убедительно просто ответила Мария и деловито спросила: – Сюда тебе принести свежие новости, что разузнаем об арестованных, или в тайник у грушки положить?

Зубр тяжело, исподлобья посмотрел на Артистку, не зная, что ответить, и вдруг решительно сказал:

– Принесешь сюда. Буду ждать.

Глава 7

В полдень капитан Антон Тимофеевич Сухарь переступил порог кабинета генерала Попереки. Их встреча была накоротке: обнялись, всмотрелись друг в друга, оба рослые, даже будто бы внешне очень похожие, если не брать во внимание глубокие залысины, напористость во взгляде старшего и густую темную шевелюру, открытую улыбку младшего.

Это со стороны. А внутренне – их многое роднило, начиная с той предвоенной весны, когда Антон Сухарь только приступил к чекистской работе. Вскоре он получил ответственное задание внедриться в ряды оуновцев, что успешно и осуществил, оказавшись в немецкой разведывательной школе под городом Грубешовом. Только раз ему, Цыгану, перед самой войной довелось прийти из-за границы с устным секретным приказом оуновцам готовить «большой сбор». Тогда чекисты воспользовались возможностью подсунуть «дополнение» к этому приказу, обязывающее главарей банд львовского приграничья собраться для получения боевой задачи в Самборском лесу, где они и были обезврежены. Трижды за первое военное полугодие фашистский абвер забрасывал разведывательно-диверсионные группы во главе с Антоном Сухарем в тыл обороняющихся частей Красной армии. И каждая из этих групп «успешно выполняла» свои задачи и гибла «геройски» в не вызывающей сомнения ситуации, позволявшей спастись лишь немногим, в том числе руководителю. Учитывая, что очередное такое «спасение», вероятнее всего, привело бы к нежелательному концу, лейтенант Сухарь больше не вернулся в абвер, его оставили работать в особом отделе Юго-Западного фронта. После ранения и «подлатки» в госпитале судьба снова свела его с Поперекой в особом отделе армии на Южном фронте. Потом служебные пути их разошлись. И вот впервые после пятилетнего перерыва соратники по нелегкой чекистской судьбе снова встретились.

– Хорош, хорош! – по-родственному мягко смотрел на Сухаря Поперека. Полюбовался им какое-то мгновение, удовлетворенно хлопнул по плечу: – Один или с Таней приехал?

– Вдвоем устраиваться не езжу. Пребольшой привет вам послала и банку меда, чтоб сердце не болело.

– Так у меня ж, слава богу, не болит.

– Чтоб не заболело, – присел к приставному столику Сухарь.

– Это другое дело. Где же мед? Да чай! – протянул обе руки Михаил Степанович, добавив: – Это она мне за то, что я тебе снова не очень сладкую жизнь уготовил. Редко будешь видеться с семьей, совсем, может быть, не придется этот год.

– Что за работа? – любил определенность Сухарь.

Поперека распрямился за столом, вздохнул, будто миновал крутой рубеж, ответил исчерпывающе:

– В ОУН нужно войти с черного хода и выйти из парадного. Может быть, с одним из главных бандитов. Ты готов для такой роли?

Капитан Сухарь понял свою задачу.

– Уж не на главаря ли центрального провода задумка вывести меня? – спросил он обыкновенно, без нажима.

– Нет, не на него, Антон Тимофеевич, но, как говорится, чем черт не шутит. Словом, ориентир верный берешь. Цель нашу пока обобщенную наметим: выход на члена центрального провода ОУН. И начинать тебе придется со вживания в их среду. Наметка тут у меня одна звонкой струной должна прозвучать. Из нашего с тобой старого багажа... Ты где остановился?

– В гостинице... Я что-то, Михаил Степанович, пока не вижу связи между моим вживанием в ОУН и выходом на руководящее лицо. Ну, как бы это сказать, будто предстоит мне скоротечное продвижение из солдат в генералы. Так не бывает. Да и рядовым-то бандитом при их жесткой конспирации меня не враз примут, проверку учинят. Убить кого-нибудь предложат.

– Никакой ты для них не рядовой, – отмахнулся Поперека, – а свой человек с высшим разведывательным образованием, преподнесенным тебе в абверской школе, которая по нынешним временам здорово ценится оуновцами. Войти к ним ты должен со звонким прикрытием, чтобы убедить в твоей бандитской хватке и исключить возможную проверку. Все это мы сделаем с тобой не на авось, как сложится, а как нужно нам. И выход твоего солдата если не в генералы, то хотя бы в адъютанты генерала нас устроит на все сто.

– По-ни-маю... – Губы Антона Тимофеевича сложились трубочкой. – На адъютанта я, пожалуй, при соответствующих условиях вытяну. Что там за наметка, говорите, из старого нашего багажа? Ну, та, что звонкой струной должна прозвучать.

Поперека расплылся в улыбке.

– Будет толк, капитан! – сказал он наконец, словно в чем-то окончательно убедившись. – Ты помнишь фамилию Дербаш?

– Дербаш... Дербаш? – повторил Сухарь. – В абверской разведшколе под Грубешовом преподавал нам средства связи и способы диверсий на ней. Разок от пограничников ударили с ним, я его, можно сказать, спас.

– Он самый, молодец! – похвалил Поперека. – Так вот он в верхах у бандитов... Фамилия знакомая, вижу, по материалам проходит. Какой он из себя?

– Небольшой, сутулый, и челюсти-салазки расперты, как у дохлого окуня. Колючий, увертливый мужик... Ты смотри-ка, живой!

– Эсбист центрального провода, фигура значимая, тебя он должен помнить и, будем рассчитывать, поддерживать. А легенду мы тебе наиправдивейшую сложим. Теперь ты понимаешь, Антон, какого я тебе покровителя выискал?

– «Учителя» моего! – ничуть не преувеличил Сухарь, осознав сложнейшую ответственность, которую возлагали на него. Добавил: – Считайте, я вхожу в роль, дрожу, как английский сеттер перед выстрелом.

– Только без азарта, не увлекаться, капитан. Ни эмоций, ни расслаблений ни на мгновение, – счел нужным сразу предупредить подчиненного и друга Поперека. – Сегодняшний вечер и завтрашний день даю на подготовку, почитаешь кое-какие материалы, они сориентируют тебя вообще и по легенде внедрения. Ну а как и где станешь вживаться, это мы обсудим позже. Поедем домой обедать, мед не забудь прихватить. Мне гостинец посылают, а он дразнит им.

Глава 8

Подполковник Киричук стал замечать: стоит ему заглянуть к кому-нибудь из сотрудников в кабинет, как у него прежде всего возникало желание подойти к окну и какое-то время поразглядывать ближние и дальние дома, будто изучая окружение.

– Что вы там углядели? – тоже подошел к окну Чуринов и указал рукой в сторону справа: – Во-он за углом через дорогу монастырская постройка с колоннами, видите, крыша как на куличе, полукружьями. Там знаете что? В одной половине, слева, милиция, а в другой, справа, духовная семинария.

– Неужели?! – изумился Киричук. – И ничего, ладят?

– С миром живут, терпят друг друга и вреда не чинят.

– Так что вы там раскусили, в зашифрованном «грипсе»? – перешел к делу поважнее Киричук.

– Да вот... – Анатолий Яковлевич достал из ящика стола папку, раскрыл. Сверху лежали квадратной формы листочки из тетради, где в каждую клеточку была вписана буква. Пояснил: – Шифр не поддается знакомым приемам прочтения. И я пошел по другому пути. Известно, что в «грипсах» у них бытует неизменно обращение «друзе» и «слава Украине». Я, начиная с первого верхнего ряда, пометил буквы, которые составляют названные слова. Получились вразнобой занятые клеточки. Их-то я и перенес на точно такой же тетрадный лист, занятые ячейки вырезал и стал прилаживать эту рамочку с оконцами к тексту и по горизонтали и по вертикали. Тут у меня начали вырисовываться слова, не полностью, правда, но их можно было угадать по смыслу, а дальше оставалось найти положение клеточек к новым буквам. Так открылся весь текст.

– Вроде бы просто... – заметил Киричук. – И нужные сведения они достают без подкопа. Запугивают человека, он им на все вопросы даст ответ.

– Ларчик-то, верно, легко открывается. Не с одним из таких пособников я говорил, спрашивал, зачем он помогает оуновцам. Ответ один: за эту помощь вы, то есть советская власть, на худой конец только лишите свободы, а за помощь вам, если узнают бандиты, уничтожат всю семью, спалят хозяйство. Вот и весь аргумент.

– Но как ни страшится бандитской пули население, однако нам охотно помогает, без этого мы бы не смогли работать, – с удовлетворением заметил Киричук.

Чуринов в тон ему добавил:

– Это бесспорно. Помощь оказывают в самой различной форме: и лично приходят в органы госбезопасности, кстати, ко мне даже на квартиру приходили и рассказывали о местах укрытия бандитов, и письмами сообщают любопытные для нас сведения.

– Да, надо эти отношения укреплять, – заключил Василий Васильевич. С его лица сошла озабоченность. Благожелательное мнение об этом работнике в нем окончательно утвердилось.

Глава 9

В Железнодорожном переулке, что рядом с вокзалом в Луцке, минута в минуту с приходом утреннего поезда из Киева остановилась обшарпанная полуторка с металлической бочкой в кузове. Худощавый, ничем особо не приметный на лицо шофер остался за баранкой, наблюдая через обзорное зеркало за прохожими. Среди них он пытался отыскать высокого мужчину средних лет в шинели без погон и в кирзовых сапогах, у которого были с синим отливом волосы. В руках тот должен держать потертый чемоданчик.

Ожидаемый появился совсем неожиданно, и не со стороны вокзала, а сбоку, стремительно выйдя из открытой калитки двора, напротив которого стояла машина. Привычным движением распахнул дверцу, сел в кабину, положив чемоданчик на колени.

– Доброе утро, Василий Васильевич! Я – Сухарь.

– Здравствуй, Антон Тимофеевич! – откликнулся подполковник Киричук, тронув машину. – Полный порядок... Но какая необходимость была добираться сюда с вокзала проходными дворами?.. Все, что ли, их в Луцке знаете?

Сухарь терпеливо выслушал и объяснил:

– В нашем деле лучше появляться не с той стороны, откуда ждут. Это, Василий Васильевич, я вспомнил предвоенное наставление Михаила Степановича Попереки.

– И он отзывался о вас уважительно, – охотно поделился Киричук.

– А в Луцке я не был с довоенной поры. Ну, а как неприметно оказаться возле нужного объекта, сами знаете, дело нехитрое.

– Будем считать, что знакомство состоялось. – Василий Васильевич перевел разговор: – Довезу вас до края лесочка у села Бабаево. А там уж сами добирайтесь к своему дядьке Мохнарыло. Он действительно ваш родственник?

– Никифор Лексеич-то? Брат матери, конюхом он в колхозе. Его жена – тетка Ивга – меня одиннадцатилетним привезла к себе. Так что с радостью сейчас к ним, – не стал увлекаться подробностями Сухарь, спросил: – Как будем связь держать? Это для меня поначалу очень важно. Может сложиться так, что сразу удастся установить контакт с бандитами, выйти на них или они сами наткнутся на меня. Пару дней на обживание и, так сказать, естественное вхождение в роль. А там видно будет, когда в лес уйти.

– Связь для надежности предусмотрим личную. Она будет только со мной и строго конспиративно. Встречи в полночь в дубках, что пониже мостка через речку, ежедневно.

Машина легко шла под уклон. Киричук даже притормозил малость – вот-вот надо было свернуть на полевую дорогу к лесу, за нешироким клином которого – место расставания.

– Почему вы с генералом решили усложнить ввод к оуновцам? – спросил вдруг Киричук. – Не проще ли и вернее было сразу отправиться к своему родичу – леснику, ведь ваше, так сказать, бандитское прошлое, сотрудничество с абвером выглядит солидно и в проверке не нуждается.

– Потому и усложнили, что нуждается. Я воевал в рядах Красной армии, был в плену, репатриирован американцами из лагеря перемещенных лиц. Затем около года проходил проверку, благо служил и остался под своей фамилией. Наконец отпустили домой. А где мой дом? Ехать на Львовщину, в Самбор, и на кого-нибудь там напороться, чтоб старое мне вспомнили...

– Так налететь-то вам и здесь прелегко, – проверял Киричук, признав при этом, что он и сам чисто воспринял предложенную игру.

– А что делать, когда меня к «своим» тянет. Не может быть, чтобы ни души не встретил.

Очень уж убедительно прозвучали в исполнении Сухаря слова «к своим тянет». И Киричук не стал дальше развивать этот разговор, решив, что опытнейший Поперека, знающий чувство меры в чекистских делах, зря усложняет их не станет.

Подымаясь на пригорок к селу Бабаево, Сухарь пристально рассматривал хаты и почерневшие от старости сараюшки, неизвестно как уцелевшие после такой испепеляющей войны. Рядом с селом темнел сбросивший остатки снега лес. Это на северо-западе. С востока село огибала неширокая речка.

Только теперь, перед встречей с дядькой Никифором, Антон Тимофеевич забеспокоился: насколько тот осведомлен о прошлом племянника с предвоенной поры? Не написала ли мать своему братцу, что ее любимый сынок Антон работает в госбезопасности?

«Вот так фокус выйдет», – встревожился Сухарь, подходя к приземистому, по-родному близкому домику. Он постучал в кухонное окно, в которое моментально сунулась остреньким носом сильно постаревшая тетка Ивга. И, забыв обо всех тревогах, Антон, как бывало в детстве, бросился в сени. Он помнил: тетка его любила.

Она признала его не сразу, даже ойкнула, когда племянник подхватил и поднял ее, сухонькую, как ребенка, и лишь когда гость назвал себя, провела шершавой ладошкой по его лицу, весело заулыбалась и звонко крикнула:

– Никифор! Да ты што разлегся, глянь-ка, кто приехал! Антон!

А Никифор Алексеевич, кряхтя, уже вставал с постели, не сразу сообразив, о каком Антоне так радостно воскликнула его старуха. Но признал гостя, едва тот подошел, обнял, пустил слезу, вспомнив своего погибшего сына, только и сказал для начала: «Живой!»

– Вы, наверное, считали меня погибшим? – спросил Антон не без умысла, желая сразу сориентироваться, как вести себя.

– Да уцелеть-то у таких, как ты, шансов мало было... Нынче удивительно не когда убьют, а когда живут.

– У каких таких-сяких? – наострился Сухарь.

– С твоего, Антоша, года-то, поди, один на сотню с войны домой-то воротился. Скидывай шинельку-то, приглашения не жди.

– А ты пригласи, не развалишься, гость он, – из-за печки упрекнула тетка Ивга.

– Ранен был или обошлось? – поинтересовался старик, наблюдая, как раздевается племянник.

– Два раза меня зацепило, но здоров, – Антон повесил шинель и подошел к дяде.

Старик внимательно рассматривал его. Сухарю показалось, что дядя обеспокоен его появлением. «Прощупывает, время тревожное...» – подумал Сухарь. Вспомнил информацию о нем: «С бандитами связи не имел и не имеет».

– Чего домой не поехал? Я это не к тому... живи на здоровье, нам даже лучше, места хватит.

– Нет дома-то, разве не знаешь? Отец помер, мать к Евдокии уехала... В Самборе никого из наших.

– Когда же Тимофей помер-то? – с фальшивинкой в голосе и в вытаращенных глазах, изображавших сожаление, спросил Никифор Алексеевич и сам заметил наигрыш. Переспросил: – Погиб или помер?

Сухарь понял: дядька крутит, проверяет его.

– Ты же, дядя, ездил на его похороны ровно два года назад, по весне, – напомнил племянник, ожидая, что старик смутится либо начнет отнекиваться. Но старик не смутился.

– Соврал, – не моргнув, ни капельки не усовестившись, признался он и легко повторил: – Взял и соврал.

– Нынче без этого нельзя, – решил подладиться Сухарь, склонившись к дяде. – Тем более если ложь не в ущерб людям, а на пользу.

– Вранье, оно и есть вранье, – резко отмахнулся Никифор Алексеевич. – Ты чего приехал-то? Не таись, свои помогут.

– Случайная необходимость заставила, дядя Никифор. Когда проверку проходил после плена, написал в анкете, что отец умер, а мать уехала к дочери, моей сестре, адреса ее не знаю...

– Да как же это ты, в Орехове она Запорожском! – живо вставил Никифор Алексеевич, и по лицу его было видно, говорил участливо, не заподозрив обмана.

– Тогда-то я не знал... Ну и в графе, к какому месту жительства отправляюсь, надо было указать адрес. Чей же еще я, кроме вашего, напишу? Вот мне и выдали приписное и проездные документы через Луцк в Бабаево.

– И тут твой дом, – согласно кивнул дядя Никифор и сунулся к окну – кого-то увидел во дворе, сообщил: – Мирон семенит и штанами подергивает. Чего бы это он, хитрюга? Пронюхал уже, видать, о тебе, Антон, ему всюду бандюги мерещатся.

– Кто такой?

– Кормлюк-то? Мирон Иваныч? Секретарь сельсовета.

– Ну-у!.. – уважительно поднялся Антон Тимофеевич, считавший любого на этой должности в здешних краях человеком отважным. – Ему по должности положено порядок блюсти.

Новый гость без стука боком вскользнул в приоткрытую дверь, присел на лавку и, ни на кого не обращая внимания, устался в кухонное окно. Тщедушный, лысенький, он хитровато шурил правый глаз, что-то высматривая за окном.

– Опять от кого-то бежал, Мирон Иваныч? – подковыристым тоном спросил Никифор Алексеевич, подходя к секретарю. – Да куда ты глазеешь? Что случилось?

– А чего? – подался остреньким носом к хозяину Кормлюк, будто сию минуту только говорил с ним.

– Да ничего, откуда бежишь, говорю.

– А-а... Думал, он увяжется за мной, – шустро прошел в горницу секретарь и бесцеремонно оглядел сидящего за столом Сухаря. Сказал с удивлением: – У тебя тоже гость!

– Еще какой! Племянник приехал. – И представил Антона.

– Это хорошо, когда племянник. А то тут вот такие племянники ездят, не знаешь, убежишь ли.

– Что в самом деле случилось у тебя, как побитый вполз.

– Не городи... – отмахнулся трехпалой рукой Кормлюк, внимательно посмотрел на Сухаря, сказал: – Субъект в Бабаево объявился: рожа страшной некуда, бледная, зиму, видать, в схроне проторчал, раненая рука на перевязи. Спокойный такой, как у себя дома. И еще говорит, что он инструктор райкома. Велел наш актив собрать. Э-э, думаю, вижу, что ты за птица. В лесочке, поди, бандюг не меньше полдюжины оставил. Актив ему подавай.

Тетка Ивга успела подрезать сала, подала его прямо на полукруге дощечки, сама налила в рюмки самогонки – захотела уважить гостей. И Кормлюк не стал ждать приглашения, ловко вскинул рюмку, показавшуюся в его больших трех пальцах мизерным сосудишком.

– За племянника! Видать, с войны еще идет, – угадав, провозгласил он.

Антон Тимофеевич поглядывал то на живое, подвижное лицо секретаря сельсовета с прищуренным глазом и остреньким носом да поблескивающим единым металлическим зубом во рту, то на его трехпалую руку, шевелящуюся наподобие клешни. А из головы не выходил таинственный пришелец в Бабаево: не из леса ли?

– Интересу мало, – уловив взгляд на своей искалеченной руке с тремя пальцами, сказал Кормлюк. – Пальцы что? Кишки на куски чуть не искромсало под поездом. Из плена бежал. В тот раз не убег.

– Я тоже бегал, – охотно подхватил Сухарь. – Да неудачно. Чуть Богу душу не отдал, американцы освободили.

– Ну, понесли, друзья по несчастью, – остановил Никифор Алексеевич и дал знак племяннику – прикусил палец, чтобы тот не распространялся насчет плена.

А Сухарю хотелось побольше сообщить о себе информации, авось пригодится, пойдет по селу. Только вот будь Кормлюк не советской властью на селе, он бы порассуждал о своем житье в американской зоне оккупации и о перенесенных лишениях в лагере.

– Вовек его не забудешь, плен-то, – посетовал Сухарь и поинтересовался: – Как вы-то тут живете? Банды прикармливаете?

– Черт бы их, оглоедов, кормил, – сердито проворчал Никифор Алексеевич.

– Вошь тоже сама кормится, – сухо сплюнул Кормлюк и поднялся из-за стола, властно пригласив: – Пошли-ка проверим этого субъекта, я вас вроде актива приведу.

– Чтобы он нас кокнул? – между прочим воспротивился Никифор Алексеевич, доставая сапоги.

Село раскинулось на возвышении, а тут, в низине, где разместилось пять дворов на отшибе, у изгиба реки, было как будто бы серо и глухо. Они вышли на дорогу, но Кормлюк не захотел идти по ней, ловко перепрыгнул кювет и засеменял по оттаявшей земле, говоря шагавшим следом:

– Через две хаты, у дядьки Парамона, сидит. Знает, где приткнуться, паразит... Чуть сигнал дам, хватайте его. Не бойтесь, револьвер со мной.

В неказистой хате дядьки Парамона, у которого, говорили, два сына в банде, собрались люди. Инструктор райкома партии Беловусько Федор Ильич, как представился приезжий, говорил:

– ...Земельное общество вас самих в конце концов не устроит. Здесь нужна инициативная группа по созданию колхоза, потому как необходима более крупная организация хозяйства, чем парные супруги. Ничего не дают эти парные объединения тягла и сельхозинвентаря. Ну, объединились Иван с Павлом, имеют они два коня, четыре бороны, плуг. Семян набрали. А сколько таких более или менее справных супруг наберется? Объедини-ка безлошадных, что с того выйдет?

Пришедшие с секретарем сельсовета «активисты», слушая «бандита», у которого собрались проверить документы, переглянулись без опаски, не найдя ничего подозрительного в простом на вид, большелобом человеке, одетом в телогрейку и армейскую шапку, с раненой рукой на перевязи.

– С какого же перепугу ты мырнул от него? – шепнул Никифор Алексеевич Кормлюку.

– С чего ты взял? – привычно ответил на вопрос вопросом секретарь сельсовета. – Вот наш актив... Тебя недоставало, Никифор. В председатели колхоза хочу тебя рекомендовать.

– Что, новый фокус выкинул? – отмахнулся Никифор Алексеевич. – Партизана Фрола угробили, его предшественника поуродовали. Ты вроде бы дядьку Парамона хотел рекомендовать в председатели, его не тронут бандиты.

– Эту кандидатуру побережем до лучших времен... – серьезно ответил Кормлюк, и вдруг его осенило: – Антон Тимофеевич! Ты вроде как почти что нашенский, бабаевский. Впрягайся-ка в председатели, народ поддержит...

– Он чего не поддержит... А стрельнут в кого? – моментально воспротивился Никифор Алексеевич.

– Что тебе далось это «стрельнут»? И меня могут уложить, да ничего вроде, Бог милостив, – задрал острый свой носик Кормлюк.

– И то верно... Да от тебя вреда-то никакого бандитам.

– А вредным-то зачем?

– Как же, Мироша, друг ты мой? Подладно-то со всеми – так не выходит у нас. Вот и колхоз-то: не успели сложить – распался. Чужой дядя вон хлопчет, а ты убежал от него, банда тебе мерещится в лесочке.

– Ну, будет, Никифор, пошутил я. Лучше бы присоветовал племяннику возглавить колхоз, дело-то необходимое, сеять уж скоро, тянуть нельзя. А твоего Антона – хоть в плуг.

– Спасибо, Мирон Иванович, не для меня это, – наотрез отказался Сухарь. – У меня головные боли... Мне бы конюхом, люблю лошадок.

– Ну, смотри... Ты куда нацелился, уходишь? Нет, погоди, все-таки помогни нам документику проверить у этого инструктора. Поприсутствуй только.

Инструктор райкома охотно достал документы, подал их Сухарю, но тот кивком указал на секретаря сельсовета. Кормлюк прочитал предписание Торчинского райкома партии о направлении Беловусько Ф. И. в село Бабаево для организации колхоза, полистал новенький паспорт и военный билет, справку о ранении. Спросил:

– Удостоверение райкома есть?

– Еще не получил, не успел, а работа не ждет. К вам у меня первое поручение.

Кормлюк вздохнул:

– Вы хоть знаете, что, за обстановка у нас тут? О бандах слышали?

– На вокзале у кассы говорили мне.

– Какой вокзал?.. – изумился секретарь сельсовета, уже не сомневаясь в искренности приехавшего представителя. – В райкоме-то вам дали инструктаж?

Беловусько по-детски улыбнулся и рассказал:

– И дали и не дали... Я после госпиталя с женой приехал в Луцк к сестре, она тут с семьей, квартира... Позвала, мы и прикатили. Я – в обком к секретарю по кадрам насчет работы. Я в партии еще с довоенной поры. Мне предложили ехать в район, говорят, в какой хочешь. Согласен, отвечаю, в любой, где тут же дадут квартиру. Назвали Торчинский. Приехал один, зашел в райком, представился, мне дают направление к вам... Сказали, осторожней чтоб я... Так что скажете насчет актива?

– Актив, какой у нас актив, вся самодеятельность актив. К вечеру соберем.

Глава 10

Установились светлые, погожие дни. А сегодняшний – особенно солнечный и пахучий, будто не от земли, а с выси тянуло молодой зеленью. Было ее еще немного: едва пробилась трава да треснули почки на некоторых деревьях и кустах. Воздух взбодрился живой лепестковой свежестью.

Двойное чувство испытывал сейчас Киричук в лесу. Постоянно находясь в состоянии деловой собранности, он и не заметил, как поддался влиянию душистой весенней нежности, довольно вздыхая и улыбаясь. Он широко шагал по краю поляны за расторопным майором Тарасовым, начальником Торчинского райотдела МГБ.

Час назад, когда подполковник начал знакомиться с организацией работы в райотделе, пришло известие об обнаруженном за селом Рушниковка схроне, который захотелось рассмотреть Василию Васильевичу. Туда сейчас и направлялись чекисты с солдатами.

Киричук с пониманием сказал начальнику райотдела:

– Самый тревожный, оказывается, ваш, Торчинский, район, больше всего в нем за прошлый год совершено бандитских преступлений.

Майор Тарасов спокойно ответил:

– Район как район, разве что самый активный на Волыни... А частые бандитские вылазки здесь вызваны прежде всего тем, что и колхозов у нас больше, чем у других.

Василию Васильевичу понравилась сдержанная рассудительность начальника райотдела. Он решил поручить ему разработку операции с двойным заслоном-засадой.

Широколобий, сурового вида лейтенант Кромский сдвинул деревянную ляду с лаза в схрон, доложил, указывая на берег речки:

– Вон там у ивы мы нашли консервные банки, кости. Это у речки-то после зимы! Ясное дело, где-то здесь бункер. Полдня елозили, пока лаз в него нашли. Ракетами туда дыма напустили. Молчок. Потом уже спустились вниз. Кто-то прятался тут вдвоем или втроем. По лежанкам видно. И ушли недавно: колбасные очистки еще не высохли, вода в кружке не застоялась.

Лейтенант спустился во входной колодец, который оказался ему по плечи, и сразу исчез. Следом за ним проник в схрон и Василий Васильевич. Там уже Кромский включил фонарик и поставил его на короткий, из широкой доски, стол у земляной стены. Свет падал на двойные нары, прикрытые полушубком. На полу в углу темнел металлический ящик, и подполковник сразу потянулся к нему рукой.

– Стойте! – ухватил его за локоть майор, только что влезший через проход в схрон. – Нельзя так! А вдруг ящик минирован?

Лейтенант спокойно сел на нары.

– Да нет, – произнес он равнодушно, – проверен уже, фугаски нет.

Только сейчас Киричук обратил внимание, как низок потолок схрона, как сыро и заплесневело давит в ноздри застоявшийся воздух.

– Несите ящик наверх, – распорядился майор и прошелся ладонями по земляной стене, говоря: – Тут ниша, а то и две, должна быть для секретных бумаг: шифры, способы чтения кодированных «грипсов», указания сверху. Смотря кто в схроне сидел.

– У вас имеются такие бумаги? Надо бы, вернемся, познакомиться с ними, – тоже прощупывая стену, говорил Киричук и вдруг охнул с удивлением, обнаружив под рукой квадратную нишу. Проговорил тихо: – Нашупал, вот те на... Дайте-ка, майор, фонарик – глянуть, что здесь есть... Шкатулка резная!

– С ценностями, бывает, прячут, – вплотную приблизился Тарасов, увидя в руках подполковника находку из дерева.

А Киричук в мгновение извлек из шкатулки прошитые на уголке листы из тонкой светлой бумаги, перебрал их, задержал взгляд на небольшой, наподобие брошюрки, тетрадке с отпечатанным на машинке текстом. Бросался в глаза украинский орнамент из крестиков на титульном листе, и с угла на угол крупные буквы, тоже из крестиков, броско выделили название «Конспирация».

– Старье! – небрежно отозвался Тарасов. – Я бы эту пространную инструкцию уместил в одном предложении: молчание – лучшее средство конспирации. Не шибко оригинально, как видите.

– Ну а как на деле? Все ли они дальше своей банды никого не знают?

– Чуть дальше действительно не знают, за редким исключением, – подтвердил майор и предложил лейтенанту: – Займитесь схроном, чтоб никаких писаний тут не осталось. Я с подполковником Киричуком – в отдел. Засаду отменяю, нас видели. Нечего на авось караулить. Закончите – отправляйтесь домой.

Уже в машине – крытом грузовике – Василий Васильевич с любопытством перебрал в шкатулке другие «грипсы» – тонкие, хорошо сохранившиеся листки с зашифрованным текстом, обнаружив на одном из них прямое обращение: «Друже Угар!» Он показал бумагу майору Тарасову, и тот охотно пояснил:

– Этот Угар верховодит бандами в нашем Торчинском районе. Подлинная фамилия районного проводника – Скоба Лука Матвеевич. Ему тридцать четыре года. Из торговцев. Орудует и скрывается, как у нас говорят, успешно. Вот наскочили, но их уже нет. опередили нас. Возможно, случайно пришла «черная тропа». Может, и нет.

– Какой же это успех? – тихо возразил Киричук. – Как волки бегают. Инициатива целиком наша, надо только поэнергичнее ставить ловушки, заслоны, использовать все возможные средства, чтобы метались они...

– Это теоретически, Василий Васильевич, – не мог целиком согласиться с начальником бывалый Тарасов и для большей убедительности добавил: – Пока что мы с вами, случается, ищем ветра в поле.

Въехали в Рушниковку. Машина остановилась у церковной ограды. Солдаты с сержантом спрыгнули из кузова на землю. Следом за ними спустились подполковник с майором.

– Часок можете смело вздремнуть, – сказал Тарасов сержанту. – Мы в сельсовет... Наблюдателя выставьте, мало ли что.

– А мы вот тут, на лужайке у церковной стены, укроемся, – облюбовал место сержант.

– Устраивайтесь, – одобрил Тарасов, увлекая Василия Васильевича в просторное село.

С возвышенности была видна полоска речки. Оттуда, от широкого сарая с дымящейся трубой, доносился однообразный стук наковальни. Бегала детвора, копошились куры, далеко впереди маячила лошадь с телегой да женщина, держа коромысло на плечах, несла воду. Люднее было на огородах: всюду сгорбленные, склонившиеся к земле спины.

– Сам бы сейчас взял лопату, – с чувством произнес Василий Васильевич и пояснил: – Люблю сельские запахи и звуки.

– Вы из деревни?

Киричук отрицательно мотнул головой:

– Из Винницы я, в Проскурове детство прошло. У деда бывал на селе. Памятно! Любо мне все сельское: и звенящая струйка молока о подойник, и скрип колес, и фыркание лошадей, и кудахтанье кур – всего не перечесать. Вспомнил, и пахнуло на меня горелой сыростью мазанкибани под обрывом у речки, захотелось деревенской парной... Мой дед был любитель и меня приучил.

Встречный мужичок приподнял шапку, здороваясь, и двое чекистов в гражданской одежде от неожиданности смутились, ответили торопливо, с поклоном. В услышанном «Доб-

рый день!» Василий Васильевич уловил столько приветливого расположения, что даже село перестало казаться ему настороженно притихшим.

– Приятно, знаете ли... – признался Киричук. – Прохожий вас знает?

– Как не знает! Его сын Филимон группой «ястребков» тут руководит, богатырь хлопец! Его хата у колодца с журавлем.

– Этого «ястребка» я запомню, – сказал Киричук. Для него сейчас многое происходило впервые. Напомнил: – Вы что-то не досказали об Угаре?

– О нем досказывать можно много. Я Угара лично не видел, но по отдельным материалам, по фотографии хорошо представляю. Кучерявый, глаза навывкате, будто удивленные, физиономия симпатичная, девки, говорят, табуном за ним ходили, пока он в Канаду со старшим братом не подался. Шесть лет за океаном прожил и чего-то вернулся перед войной на родину. Английский в совершенстве знает, может прикинуться иностранцем. Стремительный, ловкий. Первый помощник у него, ведающий безопасностью, Шмель – отъявленный бандит.

В калитке появился рыжеволосый конопатый парень высоченного роста с двумя вооруженными «ястребками». Он широко улыбался, до десен выказывая редкие зубы, а его веснушки, казалось, поигрывали блесками на тугих, налитых щеках.

– Здравствуй, Филимон! Что нового, докладывай. Это наш товарищ, – скороговоркой обратился Тарасов.

– Здравствуйте, товарищ майор! С позавчера тихо было, а ночью на хуторе у млына⁶ двое с оглядкой прошли. Скворца в одном признали, чуετε? А коли чуετε, Угара на хуторах шукайте.

– Скворец – связной Угара и его телохранитель, – пояснил майор Василию Васильевичу. И к Филимону: – В Рушниковку не заходили?

– Нет, не слышать было. А на хутор я отрядил трех «ястребков», принесли весть: бандиты на полчаса заходили в хату Ганки Кули. Приглядеть за ней покрепче надо. Польку свою то за речку, то к лесу гоняет.

– Вы и приглядите, не мне ж из райцентра присматривать, – порекомендовал Тарасов и спросил: – Сколько у вас на сегодня «ястребков»?

– Шестнадцать числится.

– Это прилично.

Уголки губ Филимона поползли вверх, только неизвестно было, почему он собирается улыбаться.

– Новеньких вовлекать надо, ребята подрастают.

– Не проглядеть бы, чтобы их в банду не заарканили, – и то польза... А новеньких привлекаем. Вот двое близнецов в армию не сгодились по причине слабого зрения. Правильно я говорю, ребята?

Братья заулыбались, но тут же подтянулись перед начальством.

– Ты чего же это знать не даешь, что у вас тут делается? – упрекнул Тарасов Филимона. – Не явись мы сейчас, так бы и не узнали, что Скворец тут наследил, а это значит – Угар близко. Наверняка он на задах отсиживался, пока связной у Ганки торчал. За полчаса, шустрый, управился, конечно, главарь неподалеку ждал.

– Не-е, я бы нынче как-никак связался с вами.

– Когда? – уже без интереса спросил Тарасов и сам ответил: – Кокнули бы кого-нибудь, тогда бы ты зашевелился.

Киричук с Тарасовым направились к сельсовету. Между тем солдаты, облюбовав пригретый солнцем нежно-зеленый бугорок у церковной ограды, разбросались, сморенные усталостью: вчера до полуночи патрулировали шоссе на Львов, а сегодня чуть свет выехали к лесу за

⁶ Ветряная мельница.

селом Рушниковка. Сержант дремотно поглядывал на лежащих, поджидал возвращения солдата, которого послал за водой. Когда тот появился, сержант сказал:

– Идем-ка поглядим. Держись ближе к стене церкви, в ней наверху кто-то есть.

– Видели кого-нибудь?

– Кто-то высунулся в оконце и отпрянул. – Сержант показал на землю рукой: – Что это за газетные комки?

И не успел он досказать, как солдат живо схватил что-то скомканное в газете, развернул и, сплюнув, отбросил в сторону.

– Тьфу, гадость! – возмутился солдат. – Нашел чем шутить.

– Замолчи! – ухватил его за грудки сержант. – Вон еще валяются. Чьи они?

Ближе к ограде лежали еще два «сюрприза».

– Оттуда швыряют... – добавил сержант, задрав голову. – Приспичило, а поганить церкву не могут, хотя она и недействующая. А выходить днем наружу, видать, не хотят.

– Думаете, бандиты там? – начал понимать, в чем дело, солдат.

– Пальнут вот, и думать нечем будет. Пошли-ка скорей. – Сержант быстро зашагал к отдохавшим солдатам, спокойно сказал им: – Ребята! Без паники... На колокольне враг!

Все перешли под укрытие каменной ограды. А немного погодя из-за ближайшего поповского дома показались Киричук, Тарасов и Филимон. Сержант бросился к ним навстречу, доложил о находке. И вот они уже гуськом бегут вдоль каменной ограды к входным воротам, взволнованные неожиданной вестью.

Едва остановившись, майор Тарасов официально обратился:

– Товарищ подполковник! Здесь мой участок, и команду тут я. – И, получив разрешение, скомандовал: – Сержант! По одному все за мной! – И бросился к побитой паперти.

Выстрелов не последовало.

За считанные секунды вся нижняя часть церкви была занята. Киричук тоже проник в заброшенную церковь с пистолетом на боевом взводе и увидел, как Тарасов напрягся весь, намереваясь преодолеть виток чугунной лестницы, чтобы выскочить на первое дощатое перекрытие. Забеспокоился, как бы там не подстрелили чекиста: весь окажется на виду. Не знал подполковник, что Тарасов принимался выкуривать бандитов из четвертой по счету церкви. И сейчас майор по известным ему приметам выбирал момент для рывка, чтобы, выскочив наверх, одним движением оказаться за изгибом лестницы, где его уже ниоткуда пуля не достанет. И когда удалось это сделать, под куполом прогудел властный голос:

– Тарасов приказывает: сложить оружие, выходить по одному! Минуту на размышление!

Киричук решил, что ему самое время понаблюдать за обстановкой снаружи, поэтому он вышел из церкви, обошел ее, задрав голову. Но ничего подозрительного не заметил. И тут вдруг увидел спешащих к церкви парней с винтовками; благо сразу различил среди них Филимона, одобрительно подумал: «Народное войско на подмогу летит».

Раздались два одиночных выстрела. Там, наверху, казалось, загудел купол.

Василий Васильевич бросился к паперти и мигом проник в церковь. Увидел, как скрылись наверху двое солдат, и сам начал подниматься по винтовой лестнице.

– Странно, будто постреляли один другого, – недоуменно сообщил Тарасов, успевший слазить наверх, к звоннице, и вернуться на нижнее перекрытие. – Сейчас снимут их... Пошли обратно.

Неприятное и грустное чувство испытал Василий Васильевич при виде убитых молодых парней. За что сложили головы? Кто они? Кто обманул их?

– Погоди-ка! – отстранил «ястребка» и склонился над окровавленным лицом парня Филимон. – Так он же жив, веки дрожат... Гляньте-ка... Это же Скворец, к Ганке Куле на хутор ночью вот с этим, значит, на пару заходил... В село явились дневать.

Киричук прощупал пульс тяжелораненого и велел осторожно перенести его в машину.

– Скорее в ближайшую больницу! – поторопил Киричук. – Связной Угара!

Глава 11

Привыкнув работать допоздна, Сухарь не мог заставить себя уснуть с наступлением темноты. Улегшись в закутке на лежанку – от кровати в переднем углу отказался, – он мысленно торопил время, томительно дожидаясь, когда должен встретиться с подполковником Киричуком в дубках, которые находились пониже мостка через речку.

Задолго до полуночи Антон Тимофеевич, набросив шинель, тихонько выбрался из дома, посидел на лавочке – пригляделся к кромешной темноте – и, осторожно ступая, пошел под горку, к мосточку у речки.

Шел, не испытывая ни тревоги, ни страха. Хладнокровия ему не занимать. И все-таки, войдя в дубки, вздрогнул, услышав:

– Здравствуйте, Антон Тимофеевич!

Они укрылись в густых зарослях.

– Думал, вы еще на подходе, – признался Сухарь.

– Нетерпение у меня, да и вам, чую, не сидится. Что на селе говорят о бандитах?

Сухарь от этого вопроса чуть не засмеялся, вспомнив встречу с секретарем сельсовета, ответил:

– В каждом новом человеке мерещится оуновец. Вчера днем инструктора райкома партии тут приняли за бандита. Напряжены люди, оуновцы мешают жить крестьянам, потянувшимся к коллективному труду.

– В том-то и дело... – вырвалось с сожалением у Киричука. – Других новостей, вижу, нет. Приглядывайтесь, как люди живут на селе, навестите кого-нибудь из старых знакомых. Есть такие?

– Должны быть, конечно...

– Тогда больше не задерживаю. Если почувствуете опасность, уходите к своему дяде – леснику или постарайтесь известить его, где вы. Завтра в полночь встретимся здесь же.

Но этому не суждено было сбыться.

...Еще в первый вечер, обходя село Бабаево, Сухарь увидел возле сельмага женщину, показавшуюся ему давно знакомой. У нее были русые, заплетенные в одну косу волосы, лицо овальное, прямоносое, которое немножко портила вздернутая от шрамика верхняя губа. Но и без этой бесспорной приметы Антон Тимофеевич узнал Наташу Хряк, когда-то бойкую, задиристую девчонку, со старшим братом которой дружил в юности. Вчера он понаблюдал, куда пойдет Наталия, – его она не признала. Заметил, что ее хата под шифером богатенько глядится на фоне осевших по соседству развалюх.

Сегодня Сухарь с обнадеживающим удовлетворением увидел во дворе Натальино дома здорового мужчину, в котором признал Митьку-голубятника, когда-то самого сильного из подrostков в Бабаеве, которого недолюбливал: обижал слабых.

К нему в гости и решил наведаться около трех часов дня Антон Тимофеевич. Подоспела тетка, спросила:

– Ты к Готре?

«Готра! – вспомнил Сухарь фамилию Митьки-голубятника. – Но откуда тетка Ивга узнала, куда я собрался в гости?»

– Почему ты решила, что я к Готре? – спросил он.

– Он приходил, спрашивал о тебе. Кто-то ему сказал...

– Вот в чем дело... Выходит, я, можно сказать, приглашен.

Идти до хаты Готры было недалеко. Антону Тимофеевичу повезло: неподалеку от калитки он нагнал с ведром воды Наталью, выхватил из ее руки ношу.

– Ой, напугал! – всплеснула она руками. – Если бы Митя не сказал о тебе, подумала бы, налетел бандит.

– Что я, такой уж страшный?

– Да и они по роже не больно страшны... Ты, говорят, в плену был?

– Кто говорит?

– Ну, кто-то Мите сказал.

– Был, везде я успел... Дмитрий-то дома?

– Где же ему находиться? А ты гладкий, справный.

– Ты тоже не отощала.

– Будет тебе смешить-то, разнесло, хочешь сказать. На воде и хлебе сижу. Говорят, с воды тоже толстеют.

– Не толстеют, а пухнут, – отшутился Сухарь. – Я косу твою увидел, и знаешь, что вспомнил?

– Что? – широко улыбнулась она.

– Бывало, в юности, когда у тебя волосы в одну косу заплетены оказывались, говорили: «Сегодня Натка опять проспала в школу». А сейчас решил, тебе некогда ею заниматься.

Лицо Натальи вспыхнуло в довольной улыбке, ей было приятно, что кто-то сохранил в памяти такую трогательную подробность из ее детства, о которой она и вспомнить-то не могла, даже муж никогда ничего не говорил похожего, а тут еле узнанный человек – свидетель детства – преподнес ей такой подарок.

– Ой, Антон! – обхватила она его крепкими руками за шею, поцеловала в щеку и бросилась в калитку, крикнув весело: – Сегодня я не проспала!

Набывчившись, у ограды стоял Дмитрий. Крупное злое лицо, губы подобраны, а из глубоких глазниц сверкали два распаленных огонька. Сухарь, конечно же, понял причину такой реакции, однако приветливо вскинул руку и, к своему удивлению, увидел, как Готра, будто бы спохватившись, вдруг приглашающе открыл пошире калитку, согнав с лица хмурое недовольство и говоря:

– Заходи, Антон, гостем будешь.

Они пожали друг другу руки, и в этом излишне крепком рукопожатии хозяина Сухарь уловил какую-то настораживающую неестественность. Уж не сцену ли ревности задумал тот устроить, заподозрил он.

– Я заходил к тетке Ивге, тебя не застал.

– Откуда ты узнал, что я приехал?

– Видел, из хаты дядьки Парамона ты выходил. Подумал, неужто Антон?

– Что же не окликнул?

– Да как-то неожиданно все, не поверилось даже, – замялся Готра.

– Как с того света, хочешь сказать, – с усмешкой пояснил Антон Тимофеевич.

– Столько лет! И еще каких! Потом... – почему-то стушевался хозяин, полез в этажерку за рюмками и даже с фальшивинкой прикрикнул на жену за то, что копается где-то и не подает закуски на стол.

– Что же за этим «потом», договаривай, мы с тобой как-никак ровня, вроде бы друзья с детства, – захотел основательно завязать разговор Сухарь.

– Было и сплыло «потом». Ты правда в плену был? Кормлюк рассказывал, – с недоверчивостью в голосе спросил Готра.

«Что-то он знает обо мне, – мелькнуло в сознании Сухаря. – Иначе почему бы ему подвергать сомнению мой плен?»

– Довелось, чего ты с иронией о моем плене? Неволя никого еще не веселила, – упрекнул он хозяина, внимательно следя за выражением его лица.

Насмешливо скосив глаза и без слов подтверждая свое недоверие к услышанному, Готра вдруг вышел во двор. Антон Тимофеевич видел через окно, как он скрылся за дверью сарая и вскоре вышел оттуда не один, а с горбатым старичком, продолжая что-то наставительно говорить. Тот часто кивал плешивой головой, порываясь идти.

– За горилкой деда послал, у меня чуть на доньшке осталось, – пояснил Готра, вернувшись, и налил две рюмки. – Давай за встречу! За то, что живы!

Закусывали молча, будто не зная, как продолжить разговор.

– Ты отца моего помнишь? – неожиданно и с недоброй интонацией в голосе спросил Готра.

Сухарь отрицательно покачал головой, ответил:

– Откуда же, у вас я не бывал, да и с тобой как-то не ладили. Увидел бы, может, и вспомнил.

– Едва ли, не признал ты его однажды. Мой отец столкнулся с тобой разок перед войной, по копне вороных волос выделил среди дружков твоих, только неудобное время и место подвернулось, так он рассказывал.

– Где же это? – как можно спокойнее поинтересовался Антон Тимофеевич, бросив взгляд на увеличенную фотографию на стене, похоже отцовскую, в красноармейской форме.

– В Самборском лесу, – произнес, как будто не сразу решился, Готра и вопросительно уставился на гостя.

– Ну и что? – не смутился Сухарь. – Грибы перед войной я там уже не собирал.

– Какие грибы, что придуряешься? – сердито отмахнулся Готра и спросил напрямую: – Ты сейчас-то не из леса вышел?

– Ах вот ты о чем... – вполне удовлетворил Сухаря вопрос, и он еще подзадорил: – То было давно и неправда.

– Неправда, говоришь?! – двинулся на гостя возбужденный Готра. – Моего отца не ты тогда подстрелил? Признал он тебя среди бандитов, когда его на хутор везли!

Последние слова он произнес, когда в сенях хлопнула дверь и на пороге появился бойкого вида «ястребок» в заломленной на голове папахе и с наганом в кобуре на боку.

«Этого еще не хватало, – раздосадованно подумал Сухарь. – Готра задумал изловить меня. Вот за кем он посылал старика...»

– Проверь-ка, Люлька, этого бандита, удержи, пока милиция приедет, – ухватил было Антона за борт пиджака Готра, но тот резко двинул локтем и отступил в угол.

Ожидая, должно быть, сопротивления, «ястребок» выхватил наган и возбужденно командовал:

– Стоять! Ни с места! Ощупай его, Митрий, нет ли оружия.

Сухарь дал обыскать себя, успев понять, что это задержание, приезд милиции, которую, как он понял, вызвал Готра, – вся эта канитель ему ни к чему и может только навредить проникновению к оуновцам. В конце концов его отпустят, а потом придется объяснять бандитам, почему милиция освободила его, не копнула старые грехи. Как же тут выкрутиться?..

– Бандит? – спросил Люлька в упор.

– После плена к дяде родному приехал, меня тут знают...

– Мало ли кого мы знаем, кто чаще по ночам ходит, – с начальственным видом рассудил Люлька и решил: – Пошли! Посидишь в чулане, милиция разберется.

– Глупый ты, Дмитрий, – только и сказал Сухарь Готре, направляясь под дулом нагана к выходу.

– Ты думал, шито-крыто, а батька-то мой жив... – торжествующе выпалил Готра, вскинув руку, чем отвлек внимание Люльки.

Этого-то мгновения и хватило Сухарю для того, чтобы обезоружить «ястребка»: увидя возле своей груди наган, Сухарь ухватился за него обеими руками, рванул и с оружием, которое

продолжал держать за ствол, выскочил во двор. Он сразу бросился было к калитке, но передумал и метнулся за сарай, в возбуждении легко перемахнул через плетень. Только тут оглянулся, преследования не увидел, на всякий случай, для пересудов, два раза пальнул из нагана в воздух и напрямик направился к подступающему лесу.

Глава 12

Для Ивана Николаевича Весника хуже наказания, чем дежурство по управлению, не было. У него на сутки останавливалась должностная работа, на которую и без того всегда недо- ставало времени, и он урывал его за счет сна, зачастую задерживаясь на службе.

На этот же раз помощник Киричука по оперативной работе увлекся до того, что попросил сменяющего Кромского повременить, продолжая насаживать на карту миниатюрные зеленые флажки с обозначением кличек вожаков банд.

Эти-то флажки прежде всего привлекли внимание Василия Васильевича Киричука, когда он утром пришел на работу. Удивился:

– Банда Кушака, смотри, у Марьяновки вчера была, на границе с Львовской областью, а теперь на полсотню километров к Луцку махнула... Что это она возле Бабаева забыла?

– Уже ушла оттуда на юго-запад, наверное, обратно к Марьяновке. На рассвете дом нового председателя колхоза Бублы подожгли, его ранили, дочь убили.

– В Бабаеве?! Когда это случилось?

– Под утро. Раненого бандита захватили. Группа «ястребков» ушла преследовать банду.

– С этого сразу и надо было докладывать... Я отправляюсь в Бабаево, – решил подполковник и, прихватив с собой майора Рожкова, через несколько минут мчался по шоссе на запад.

– До Бабаева у меня как раз руки-то и не доходили, – признался Рожков.

– А у меня до вас, Сергей Иванович. Будь наоборот, бандиты бы ни в Бабаево сегодня не сунулись, ни на председателя колхоза бы не напали. Ну а коли полезли, ноги бы свои не унесли.

– Вероятно, Василий Васильевич. Только мне известно, что в Бабаеве крепкая самооборонная сила, под ружьем восемнадцать «ястребков», не считая актива и добровольцев на случай чего.

– Какая же это сила, когда убивают?.. – возразил Киричук.

– Бандитам большого труда не надо, чтобы подстрелить... – парировал Рожков. – За Бабаево я был спокоен, командир «ястребков» там надежный хлопец. Микола Люлька его зовут.

– У меня иное мнение об этом ротозее, – со скрываемым удовлетворением возразил Киричук, осведомленный о вчерашнем происшествии с Сухарем в селе Бабаево: в полночь у них не состоялась встреча. Но ничего не стал говорить.

Микола Люлька с Кормлюком подошли к машине, когда она остановилась возле пожара.

– Почему в селе, почему не преследуешь бандитов? – напустился на Люльку Рожков.

– Упустили... – виновато ответил командир «ястребков». – Все я предусмотрел, даже ночевать остался в хате Бублы, председателя колхоза, но, оказалось... и себя, и людей подвел... подожгли они. А мои двое ребят на другом конце села патрулировали.

– Как патрулировали? – очень удивился Киричук. – Так вас всех до одного перестреляют. Соображать надо! В засаде сидеть должны «ястребки»...

– Да нигде они не патрулировали, – совершенно не поверил словам Люльки Рожков. – И ты, Микола, отвыкай оправдываться, когда по уши виноват.

– Мы бой держали, в бегство обратили бандитов.

– Еще бы, иначе они вас вверх ногами бы на столбах повесили или, как нынче в селе Сарпиловка, изуродовали троих «ястребков», – не стал досказывать подробности страшной новости Киричук.

Рожков предложил Люльке:

– Созови-ка в сторонке своих «ястребков» и подходящих на эту роль ребят, поговорить надо. Воспитывать на живом примере требуется, к чему приводит безответственность.

Бублу отправили в больницу. Раненого бандита под охраной – тоже. Увезли и жену Бублы с убитой дочерью.

«Ястребки» оказались под рукой, Люльке не пришлось бегать созывать их. И Рожков начал короткую беседу:

– О печальном факте, как на поминках, товарищи, трудно говорить. Давно ли мы скорбели по семье Курилло, вырезанной бандитами? И вот новое преступление. Не митинговать вас позвал, не убеждать. Совесть пристыдить. На вас люди надеются, ложась спать. А вы безответственно ставите их под удар своей бездеятельностью. На вашей совести гибель дочери Бублы.

«Ястребки» притихли, прятали глаза.

Народу понемногу становилось больше, и Василий Васильевич счел нужным выступить перед людьми.

– Товарищи! – вскинул руку Василий Васильевич. – Бандиты, как видите, злобствуют. И чем ближе их конец, тем они становятся коварнее. Они едят ваш хлеб и всячески мешают выращивать его. Мы должны уничтожить бандитов, чтобы все могли свободно трудиться на пашнях, на заводах и стройках. Много у нас дел после небывалой войны. И уж коли одолели такого жестокого и сильного врага, как фашистская Германия, будьте уверены, советская власть очистит свою землю от врагов и паразитирующих элементов. Наш лозунг был и остается: «Кто не работает, тот не ест».

– Вопрос можно? – вскинул руку белоголовый дядько Андрон. – Носют тут по семьям-хатам, как налогом обкладывают, ну эти, что из леса, силком всучают квадратные талоны с цифрой – бифоны называют, вроде заема. Мне на триста целковых этот подбор угодил, плати, говорят, без разговору, а пикнешь, не дашь гроши, считай, дух из тебя вон. Как же это понимать? На заем мы подписались – выкладывай. И эти живоглоты за пазуху лезут, а с ними пока шутки плохи, сами нынче видели, последние штаны снимешь. Как вот тут быть, господарь безпеки?

– Ну, коль штаны готовы снять, снимайте, пусть бандиты высекут вас, – махнул рукой Киричук. – А кто не желает, пусть борется. При коллективном организованном отпоре ни один бандит не сунется.

– Суются... – потише, будто для себя, произнес дядько Андрон.

– Ничего подобного, – не принял реплику Киричук. – Повторяю, там, где сообща защищают свои интересы, подальше эти места обходят бандиты. Бабаево в этом отношении должно быть примером. Стоящий перед вами майор Рожков окажет вам организационную помощь.

– Спасибо, растолковал, – удовлетворился Андрон. – А то ведь я думал, ты увильнешь, дескать, старайтесь не давать, то да се... Но ты с жизненным пониманием.

– Еще вопросы?

– Правда, что ли, снижение цен будет? – любопытствовала Наташа Готра.

– Это решение правительственное, мы его одинаково узнаем.

– Значится, опять мы без председателя... – донеслась реплика.

– Кто вам сказал, что без председателя? – задрал кверху остренький носик Кормлюк. – Захар Иванович к вечеру вернется, велел мне передать, чтобы работы шли своим чередом – инвентарь готовили, зерно перебрали. Так и велел сказать: сплочением чтобы откликнулись крестьяне на его горе.

Он и сам заметил, что завернул лишнее, но по простоте душевной заключил, что призыв сойдет, большого греха тут нет, и закруглил разговор.

Глава 13

Мария привыкла доить корову во дворе. Каждое утро, спускаясь с крыльца, она девичьим голоском протяжно звала: «Хи-ив-ря-я!» – и несла низкий табурет с подойником на середину двора, надежно усаживалась и терпеливо ждала, пока неторопливый муженек ее Микола выведет из хлева низкорослую коровенку с темными пятнами на боках, которая возле хозяйки становилась будто бы и вовсе маломерком. Мария любила свою неказистую буренку. Она давала на удивление много молока. Говорили, нет слаще и жирнее молока, чем от Хиври. И Мария продавала его не всякому, а по собственному выбору. Мурлыча во время дойки песню, Мария успевала обдумать предстоящие дневные дела и мысленно помолиться за свою удачу.

Процедив молоко в бидон, она ловко, единым выплеском, наполнила две кружки, по-мужски – движением от живота – отрезала от каравайя ломоть хлеба и начала есть. Муж угрюмо следовал ее примеру. Для него это было обычное состояние. Для Марии же – что-то вроде разминки к общению, которое начиналось с поручения на день, беспрекословного, как приказ:

– Займешь место на базаре, сегодня поторгую твоими свистульками. Днем сходишь подишь Хиврю, ошейник с колокольцем сменишь, повесишь его в сенцах на гвоздь с веревками. В два часа зайдешь к Шурке-сапожнику, возьмешь починку и что передаст... Если скажет: «Гони!», живо разыщи меня. А я пошла, – подхватила она бидон. – Чего глаза вытаращил? Слов, что ли, нет?

– Молчание – золото! – изрек Микола одними губами.

– Мне это золото в ушах проржавело, сопун несчастный. Я слышу, как ты со своими глинягаками-поделками балясничает, слова добрые находишь, а со мной совсем говорить перестал.

– Когда разговаривать с тобой, ты больно деловая стала, до рассвета начала шляться.

– Ну, будет, Микола, не шуры-муры скрываю, втравил, а теперь не лезь. Мы договорились, не пытай... поручений много... Что же это Коськи-то долго нет? Ай не придет, самому тебе тогда Хиврю вести.

– А вот и я... – стоял у порога соседский подросток Костя. – Я готов, тетя Маша.

– Ну, племянничек золотой, чего дрыгаешь ногами... Ешь давай и веди Хиврюшку-милушку. – Она налила ему молока, взяла с окна приготовленный ремешок с колокольчиком и, выйдя в сени, положила в прорезь на ремешке туго сложенную записку. Потом застегнула ремешок на шее буренки, погладила ее между глаз и ласково пропела: – Связничок ты мой, тайничок.

Костя повел буренку на пустырь.

Микола еще оставался дома, когда Мария, взяв бидон с молоком, отправилась к своим клиентам. Двор она прошла с задумчивым лицом, глядя исподлобья: вспомнила поручение Хмурого, приказавшего ей лично с «доступной обрисовкой» составить мнение о прибывшем в УМГБ Волынской области подполковнике, обозначенном прозвищем Стройный.

И тут Мария вспомнила тот день, когда началась ее связь с «тайными людьми», так она звала оуновцев, еще даже не зная, как их именуют. А случилось это послевоенной осенью, когда Микола, повредив ногу, попросил жену отнести добытую коробку с медикаментами к тому самому Шурке-сапожнику, к которому сегодня к двум часам Мария велела сходить своему посыльному – законному муженьку. Немало воды утекло с тех пор, как стала она связной краевого главара ОУН, получила псевдоним Артистка. И теперь недаром Хмурый счел возможным поручить ей сбор доступных сведений об одном из видных чекистов на Волыни. И это доверие не столько радовало ее, сколько вселяло тревогу.

Однако стоило Марии выйти за ворота, как вся хмурость сошла с ее лица и беспечная радость заиграла в глазах. Она шла энергично, с привлекательной, гордой осанкой. Вдруг снова

вспомнила о чекисте, разузнать о котором ей было поручено. Теперь Артистка и сама не могла понять, почему впервые после многих тайных поручений забеспокоилась. Раньше подобного с ней не случалось. Она охотно принимала любое поручение и с легкостью, даже с воодушевлением, стремилась исполнить его.

Возле табачного киоска Мария остановилась, чтобы купить коробку спичек. Успела при этом сообщить: «На Котовского восемь с вечера занято». И пошла своей дорогой.

Отсюда ей хорошо был виден дом возле магазина, где поселился чекист Стройный. Во дворе Мария увидела женщину и рослую девчущку, но кто они, узнавать не стала, отложив это на другой час, ибо неподалеку, через два дома, жила Варя, которой она носила молоко.

«Как же попросить ее все разузнать о подполковнике? – думала Мария. – Не годится запугивать, надо с ней помягче. Бабенка она покладистая, смышленная... Можно было бы подкатиться к ее соседке Ксюшке, ушедшей оладошнице, да она завтра же на весь базар разстрезвонит».

Так и не решив окончательно, как подойти с разговором о подполковнике – экспромтом у нее выходило глаже, – Мария вошла в притемненную кухню и застала Варвару у печки.

– У-у, хлебный пар какой духмяный! – восхитилась Мария, подвигая к себе кружку и наливая в нее молока. – Дай-ка мне горбушку и наливай себе, пожую.

– Тебе нельзя много хлеба, это мне еще не грех поправиться... – Изящная хозяйка достала кружку, глянула через плечо: – Цветешь ты, Маша. Я вот сама баба, да и то бы тебя сграбастала и затискала.

– Мой мужик мне не говорил этого, – живо подхватила Мария, и в глазах ее вспыхнули искорки. – Вчера на базаре один подполковник – второй уж день прицеливается – откомплиментил мне на ухо: «Милушка! Если бы вы встретились мне в не такой уж отдаленной юности, я бы давно сошел с ума». «А сейчас вы не сумасшедший?» – спрашиваю. «Пока нет», – говорит. Иду с рынка, а он мне, серьезный такой, вежливый, разрешите, говорит, проводить... Ты дашь мне горбушку?

– Ой ты, неужто разрешила? – торопливо спросила Варвара и, схватив горячую краюху, отломилась исходившую паром горбушку, протянула гостье – и опять: – Ну, разрешила, что ль?

– Кто же так, с ходу-то... – аппетитно откусила душистого хлеба и запила молоком Мария. – Говорю, чего меня провожать, я посидеть с музыкой хочу.

– А он? – аж взвизгнула от нетерпения Варвара.

– Так я, отвечает, пожалуйста, было бы ваше желание. Куда пойдем?

– Волокла бы его в ресторан... Ну, ну, и что ты?

– Мало ли что я желаю, говорю. А может, чего еще и не желаю. Он мне: как вас понимать? Обыкновенно, объясняю. Не желаю, чтобы ваша жена страдала, и желаю, чтобы муженек мой нас не увидел, а то обоих чудными сделает.

– И отшила, да? – застыла в ожидании Варвара.

– Какой там, вовсе прилип. «Какая, – шепчет, – вы откровенная, и голос у вас девичий». А я ему: так я и вся из себя такая... И прошлась вперед, бедром вильнула. – Мария показала, как она это сделала.

– Ой, по шкуре мурашки, здорово, Маша! – будто от холода, энергично потерла плечи Варя и еще спросила: – Он, поди, обалдел?

– Он-то не знаю, а я вроде как втюрилась. Интересный мужчина, складный, глаза чистые, влюбчивые, какая-то в нем ласковая мягкость.

– Ну и давай... чего там. Не бойся.

– Я и не пугаюсь... – заговорщически шепнула, склонившись к Варваре, Мария и доверительно поделилась: – Мне бы о нем разузнать, кто он, где жена и есть ли она. Такой не должен бы бегать, такая работа у него, ой-ей-ей, если не врет, в державной безопасности. Если правда,

тогда другое дело. Да вроде не трепач, быть не может, а прощупать его надо, откуда он, какой характер, даже чего он любит, а чего нет.

– Ну, Мария, ты даешь, обалдеть можно. Только ты не как лягушка попала ужу на глаз? – живо прояснилось в голове Варвары. – Не гипнозом он тебя... говорят, в энкавэдэ пользуются этим умопомрачением.

– Чего городишь? В любви умопомрачение без энкавэдэ обойдется. И потом, что они, другие люди, что ли? Как все – с головой, с ногами. Даже лучше.

Варвара снова всплеснула руками, говоря:

– Глянуть бы на него! – откусила от каравая хлеба и залпом выпила полкружки молока. – А сколько ему лет-то? Не о старом вроде говоришь.

– Вот ты и узнай мне, сколько ему годов, не считая во рту зубов. Ему что-то за тридцать пять...

– Так он младше тебя?

– По-твоему, это плохо?

– Да нет... – повела плечами Варвара. – Плохо, когда никого нет. Тебе это не грозит.

– Он живет через два дома от тебя, поселился у тетки, у которой сын утонул.

– У Степаниды? – поняла Варвара. – Зайду к ней по-соседски завтра, поспрашиваю.

– У меня нынче вечером с ним встреча, надо же знать, обнадеживать его или как...

– Узнаю все, Маша, согласна, вплоть до того, храпит ли он ночью, а то от моего хоть беги.

Ты только познакомь и меня с ним.

– Это еще зачем?!

– Ну-у, Маша, тебе ли бояться. Взглянуть охота на него, любопытно мне, тебе ведь кое-какой не приглянется, тебя, думаю, за подсердечко зацепить нужно.

– Нужно, Варя, когда не нужно будет, нос в окно на улицу выставляй... Так ты погода и сходи к Степаниде, остороженько с ней погутарь, мол, интересный постоялец... Нет, не говори «интересный», скажи «видный мужчина».

– Сообщи, Маша. Перед свиданием приходи, портрет его с потрохами выложу. А ты все-таки познакомь меня с ним. Ну, потом, когда...

– Зачем «когда»? Вечером выйди и жди его с работы, глазами тайком сколько угодно. Кстати, заметь, когда он возвращается домой, – ответила Мария, обозвав себя дурой за то, что предложила Варваре караулить подполковника после работы. Но успокоилась на том, что вечером получит нужную информацию, а там, не велика беда, что-то придумает. Заторопилась: – Ой, Варя, расчувствовалась я, заболталась, давай-ка посуду под молоко... В полшестого вечера я забегу. Побольше, понастырней мне все узнай, как для себя. Ладно?

...Базар Мария любила, на нем, можно сказать, и выросла. Без него ей чего-то не доставало. Вроде бы ощущения присутствия всего города, где можно и на людей посмотреть, и себя показать, и услышать разные новости, узнать, чем довольны и чем расстроены горожане, встретить нужных ей людей и самой оказаться полезной кому надо. На базаре Артистка чувствовала пульс жизни города, состояние его здоровья и недуги. В нынешнем своем положении Артистке было за что любить базар.

Она знала базар с детства. Бывало, чуть свет шла на базар, чтобы занять место за дощатым прилавком, куда потом являлась мать, с рассадой ли, с первой ли черешней, с молодыми малосольными огурчиками – всем тем, что давали огород и фруктовый сад.

Родительское хозяйство было разделено между шестью сыновьями. Выйдя замуж, Мария получила от братьев денежную долю наследства, по девичьей наивности возмечтав вскорости самой разбогатеть на мужнином доходном ремесле. Ее Микола унаследовал от отца несложное, но трудоемкое производство глиняных, крытых глазурью игрушек – «свистулек», как небрежно стала обзывать Мария то, о чем мать ее, бывало, говорила с почтением, похваливая будущего

зятя: «Золотые руки у парня, приработок имеет, всегда лишняя копейка в доме, с ним не пропадешь, глины на его век хватит». Но не учла будущая теща ленивости зятя, который не только сам редко ходил за глиной, но и принесенную соседским мальчишкой Костей месил без охоты, да и то после тройного напоминания жены.

Микола работал грузчиком на хлебозаводе в три смены, от «свистулечного» промысла начал отходить: расчета не видел. Мария понимала это, ей самой противно было торговать «самодельным уродством», но это занятие позволяло ей в любое время торчать на рынке не с пустыми руками, а при деле. Главное же дело хранилось в тайне, и каждый день поручалось новое. А сегодня – небывало новое.

После ареста в Луцке пособников бандитов пока незаметно было, чтобы они кого-нибудь выдали. Мария приняла меры, чтобы уберечь своих людей, кого знали арестованные и могли выдать. Всех предупредила, и они сразу исчезли. За жильем скрывшихся она установила присмотр. И вот вчера вечером буренка Хивря принесла в ошейнике записку, в которой сообщалось, что квартира врачихи Моргун, на Котовского, дом 8, «занята».

Без труда Артистка определила, кто выдал врачиху, снабжавшую оуновцев лекарствами. О Моргун знал арестованный Дорошенко. Он сегодня должен был взять у нее приготовленную коробку и передать на рынке в два часа дня связному Ложке. Предполагалось, Дорошенко выдал эту явку, и чекисты не упустят такую возможность.

Ради этого дела и торчала на рынке Мария, держа подле себя верного посыльного Костю, совсем отбившегося от родного дома. Правда, родители его и не возражали – пусть кормится в трудную пору возле соседки, коли ей помощник нужен.

После полудня Артистка оставила мальчишку с товаром, а сама пошла по толкучке, беспечная, с веселыми, смеющимися глазами, которые умели все видеть, сортируя встречных на людей обыкновенных, базарных, и залетных, требующих к себе особого внимания. Их она накрепко примечала.

Нет, Ложка не болтался на толкучке. Не появлялся он и возле ларьков, среди овощных рядов. Не заметить его было невозможно: рослый, большеголовый, с одутловатым лицом, – его враз приметят чекисты.

Артистка занервничала. Не за Ложку она переживала. За свое неумение что-то предусмотреть и предотвратить. Сейчас она, вернувшись к неходовому товару и предупредив непоседливого Костю, чтобы тот никуда не отходил, заработала руками: наливала в свистульки воды, свиристела ими на все лады, переставляла на фанерке кургузых козлов с позолоченными рогами, размышляла: «Зачем Микола плодит этих козлов, когда их не покупают, может, специально назло мне штампует, чтобы перестала его мучить, дескать, походит неделю с товаром и перебьет его, торговлю забросит. Это он, муженек, может сотворить, сопун несчастный...»

Размышления Марии мигом прервались, едва она увидела у края толкучки полное, благодушное лицо чекиста в гражданском, которого видела со Стройным на улице в форме капитана и прозвала его Благим. Мария вся извертелась на месте, пытаясь хоть краешком глаза уловить полупрофиль стоявшего с ним сутулого мужичонки в кепке и телогрейке, энергично размахивающего рукой, что-то предлагая на продажу.

Марии очень захотелось пробраться к ним, постоять рядом, послушать их разговор. Да не решалась оставить удобный наблюдательный пост на возвышении, с которого хорошо видны входные ворота.

Извелась Мария, следя то за входными воротами, то за чекистом с подозрительным человечком, который вдруг повернулся к ней в полный профиль – длиннолицый, широконосый, с глубокими морщинами на лбу. Нет, его она видела впервые. И по привычке первого знакомства тут же дала ему прозвище Напарник. Придуманных кличек она не забывала, они проходили и в ее донесениях, шли в обращение.

Чуть было не сорвалась с места Мария, чтобы протиснуться к «объекту» своего интереса, как вдруг увидела в воротах грузную фигуру Ложки. Он, как верблюд поводя головой, проплыл к ларьку с края толкучки, удаляясь от чекистов, которые топтались на месте.

– Костя! – ухватила за руку мальчишку Артистка. – Видишь вон у края ларька толстого дядьку? Армейская фуражка на башке еле держится...

– Та вижу, сигарка в зубах.

– Живо иди, передай ему вот этого однорогого козла и скажи: «Тетка велела бегом отнести. Дорошенку хоронят». Понял, Костя? Давай скорей! Дорошенку, черт бы его драл!

И она пошла, пошла к гомонящей толпе, веселая, улыбочивая, будто увидела разжеланнейшего человека, которого торопилась по меньшей мере обнять. Совсем рядом оказались те двое чекистов. Напарник вертел в руках часы, а Благой, видимо, приторговывал их.

«Пойте, пойте, голубчики», – во все лицо улыбалась Артистка, готовая, казалось, взвизгнуть от удовольствия, видя, что чекисты остались ни с чем – грузный Ложка вильнул за уборной и, наверняка уже выдавив со страха еще одну доску в дыре забора, выскользнул на улицу.

Артистка, поводя плечами, стала дурачиться и готова была пойти в пляс. Обнаружив в руке глиняного петушка, она приложила его к губам и, озорно свистнув «милицейской» трелью, вдруг со смехом сунула игрушку в разинутый рот блаженно стоявшего дядьки и тоненько, по-девичьи крикнула:

– Ду-ди-и! Пароход ушел!

И тут вовремя подоспел ее Микола, за руку увел на прежнее место, сказав всего одно слово:

– Баламутка!

И мгновенно улетучился из Марии игривый запал. Она поправила налезшую на глаза прядь волос и спокойно спросила мужа:

– Что Шурка-сапожник?

– Ничего. За починкой велел завтра прийти в это же время.

– И все, ничего не передавал?

– Нет, завтра, сказал.

– Ну и хорошо, – зевнула, похлопывая ладошкой по влажным губам, Мария и распорядилась: – Ты поторгуй, Микола, а мы с Костей пойдем домой.

– Ты что? Надо мне перед ночной соснуть? – начал складывать в корзину товар Микола.

– Так ты и сейчас спишь, какая тебе разница. – Мария взяла за плечо Костю и живо пошла с базара.

Ей вдруг захотелось побыть одной. Отпустив Костю, она пошла в противоположную от дома сторону, за железнодорожное полотно, к пустырю, где побрякивала колокольчиком ее ненаглядная Хивря.

Темнобокая коровенка дремотно лежала под пригретым солнцем бугром, не чуя своей хозяйки, вяло присевшей вдалеке на трухлявое дерево. Было по-весеннему ярко и тепло.

После базарной суеты и минутного шутовства Марии захотелось покоя. В последнее время ее частенько тянуло к уединению, чего не случалось очень давно, можно сказать, с молодости. Но тогда, в девичьи годы, она желала одиночества от избытка нежных чувств и разумного сдерживания ласковой своей щедрости. Теперь же уединения требовала усталость.

Но мечтать вообще она не умела. Ей нужна была конкретность. И вдруг этой конкретности будто бы не стало.

Артистка чувствовала, что живет как-то не так, не туда ее заносит, но как вернуться на «круги своя» – не знала. И куда идет, к чему – не ведала, потому что не вольна была знать о своем месте в завтрашнем дне. Осознавать это становилось ужасно. Ей хотелось определенности. А где ее взять, если не может ни с кем поделиться своими сомнениями? Значит, надо

молчать, надо смириться. Но смириться Артистка не хотела. Вопреки логике, ей вдруг захотелось петь. И она запела.

Мария услышала, как протяжно, жалобно откликнулась Хивря, узнав по голосу хозяйку, которая еще звонче залилась песней и бросилась по низине к бугру, помахая руками, как крыльями, веселая, трепещущая, а со стороны – неудержимо счастливая.

Расчувствовавшись, Мария с разбегу схватила Хиврю за уши, хотела чмокнуть ее в лоб, да не успела, буренка от неожиданности метнулась в сторону, чуть не поддев свою хозяйку на короткие, торчащие вперед рожки, набычившись и вылупив удивленные глаза.

– Ты чего вспугнулась, дуреха моя, Хивря? – протянула к ней руку Мария, погладила между рогами. – Куда нам с тобой шарахаться? Обе мы на привязи, с петлей на шее. У меня она, поди, скорей затянется.

Руки Марии привычно, будто машинально, прощупали ремешок на шее коровы, изъяли из тайничка складную металлическую пластину, а из нее сложенный в полоску «грипс». Водворив пластину обратно, женщина живо пошла прочь, моментально оглядев идущие вдалеке фигуры, но подозрительного не заметила, к тому же обзор перекрыл железнодорожный состав, и Мария пошла вдоль дороги, спокойно развернула изъятую из ременного тайничка бумагу, прочитала: «В больницу Торчина доставлен Скворец – связной Угара. Пулевое ранение в голову. Сделана операция, живой. Под охраной безопасности. 1040».

Сложив донесение и завернув в шелковый, из парашютного полотна, платочек, Мария сунула его в привычное место, за пазуху, где уже лежало другое сообщение, поважнее, полученное ею утром в спичечном коробке от продавца табачного киоска. В нем говорилось: «За Лучковским озером, к лесу восточнее Луцка, встал палаточный городок воинской части. Ставят казармы стационарно. В наличии около 20 грузовиков (в основном полуторки) и десяток легковых „козлов“. Проникновение пока исключено. Ведутся занятия редкой цепью на поле и в лесу. Отмечен выезд небольших групп. Солдат на увольнение не пускают. 724».

«Застану ли Зубра? Неужели смотался после встречи со мной?» – думала Артистка, рассчитывая передать с ним для Хмурого и четко выполненное поручение о Стройном – она не сомневалась, что любопытная Варвара добудет нужные ей сведения о чекисте, – и важное сообщение о расположившейся под Луцком воинской части.

С чувством исполненного долга Артистка раньше срока подходила к дому Варвары, игриво напевая.

– О, весела ты, как всегда, любо-мило с тобой, все болячки спадут, – встретила ее Варвара с чугуном в руке. – Легко живешь, Маша, завидно. А тут, тьфу!

Оставив чугунок с кашей, Варвара села на табурет, загрустив вдруг. Она безучастно посмотрела на Марию, и та даже не решилась завести разговор о том, зачем пришла.

– Правда, что ли, базар теперь будет не до пяти, а до семи вечера? – удивила вопросом Варвара. – Постановление, говорят, властей есть, чтобы народ после работы мог продукты купить. Карточки вроде собираются отменить.

– Не слышала, – соврала Мария, не желая тратить время попусту, однако заметила: – Тебе-то что, дня мало? Да и бываешь ты на базаре не каждую неделю.

– А я, может, хочу, как и ты, свободней жить, на людях веселей.

– Дура ты, дура! Варвара, базар не цирк, какое там веселье, там гам да матерщина, кто кого объегорит. Разве более или менее стоящий человек пойдет туда?

– А ты что? Ты... разве ты обманывать ходишь? Свое же изделие, баловство ребячье продаешь, это тоже надо... Мне вон батька тряпочную куклу с базара принес, лет пять мне было, по сию пору помню. Другие, может, облапошивают, наверняка аферничают. Но какой же у тебя обман?

– Голый обман, Варварюха-необманюха. Ты ходила, что там мой подполковник?

Поджав губы, Варя некоторое время сидела молча. Потом поставила чугунок на шесток, повернулась к Марии.

– Верно, он там работает, в безопасности, подполковник, – заговорила она, щуриглаза, как бы припоминая. – Живет он у Степаниды, верно, много не болтал о себе, жена у него красавица, дочка – девица большая.

– Откуда известно, жена какая? Он же один тут, никого не привез, – напористо выразила сомнение Артистка.

– Степанида говорит, он с портретом жены приехал, как с иконой вошел к себе в комнату. Посуди, любит или нет.

Мария испытующе посмотрела на Варвару.

– Она заподозрила, что ты влюбилась, глупую фантазию подсунула, чтобы отшить. – И тут же усомнилась: – А там, кто его знает, может, у военных так заведено – вместо иконы... Ты давай говори.

– Ну, серьезный, обходительный, все верно, Степанида подтвердила. Чай любит. Чисто-плотный, от зеркала не отходит. Утром бреется, наверное, одеколонится. Не храпит...

– На кой мне черт его храп? Откуда он? Зачем тут?.. Какое настроение, не жаловался ли на что? – нетерпеливо отглатывала Мария и, сбавляя тон и озаряясь улыбкой, мягко попросила: – Ты, Варя, говори, говори, у меня ведь, понимаешь, нетерпение. Скоро на свидание, а мне уж чего-то и неохота...

– Ты и не ходи, посиди у меня. Разбередила только себя...

Мария поднялась.

– Нет уж, пойду провожу своего в ночную и как раз успею, малость подождет. А когда он на работу уходит, не спросила?

– Какая разница, он же тебе не с утра, а вечером нужен. Вечером какой мужик вовремя домой является? И этот, твой подполковник, уехал на машине. Забежал домой и уехал. Трое еще с ним были. В гражданском. И он, видать, переодеться приезжал. Зеленая машина, военная легковушка. Не веришь, я номер специально запомнила: ЛН 08–71.

– Он мне говорил... – задумчиво произнесла Мария, сдерживая восторг. – Ну, что может уехать, тогда завтра в то же время встретимся... Спасибо тебе. Пойду, а то мой проспит.

Варвара проводила ее, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. И все же рассмеялась, когда хлопнула наружная дверь. Считала, что здорово разыграла молочницу насчет любимой жены подполковника, потому что к Степаниде не заходила, случайно увидев, что та провожала своего постояльца. Ну а номер машины она запомнила просто так, для достоверности. Некогда ей было тратить время на пустяки – расспросы.

Глава 14

Поспать Зубр любил. За нынешнюю крутую зиму он так разбаловался, что даже поражал своих охранников-связных. Одно время он, казалось, спал круглосуточно и не высовывал носа из лаза бункера. Правда, тому имелась причина – болел.

Назавтра в ночь Зубр собрался идти на встречу с Хмурым. Предстояли нелегкие ночные переходы, а впереди – неизвестно еще какие виды на «временное жительство», потому бывалый главарь заранее набирался сил.

Он не велел Яшке будить его, в схрон не полез, а завалился, не раздеваясь, в маленькой боковушке и взрывно захрапел. Поднялся с темнотой бодрый, сдержанный.

Вообще, за эти несколько дней с него сошла зимняя схронная желтизна, выглядел Зубр вполне сносно – так и отметил он про себя, уткнувшись в зеркало. А из головы не шла предстоящая встреча с краевым проводником – Хмурым, к которой он уже достаточно подготовился, чтобы выглядеть осведомленным и деятельным.

Еще вчера Яшка доставил из тайников связи «грипсы» с информацией, о чем он доложит Хмуруму. Это обстоятельство придало ему покоя и уверенности. Да еще оставалась надежда получить свежие вести от пронырливой Артистки, она обещала.

– Сова вернулся? – спросил Зубр у подвернувшейся Явдохи.

– Туточки, в низочке... Позвать? – При каждом слове, как голубь на ходу, кивала головой Явдоха, вскидывая волосатый, с тряпичным бантиком хвостик.

Увидя вошедшего в боковушку Сову, Зубр поморщился: лохматый, с помятым, немывтым лицом, да еще с кривым носом, приляпанным под мощный лоб, тот выглядел уродливо.

– Будь здоров, друже Зубр! – поприветствовал Сова, дернув плечами.

– Здоровычка и тебе. Садись. Пил вчера?

– Не здесь же оставлять, – не подымая глаз, откровенно ответил эсбист.

– Ну смотри... – с угрозой произнес Зубр – и сразу о деле: – Видел? Докладывай!

– Привел, в схроне почивает. Кра-си-вая! Муська-Муха...

– Что там у Шурки-сапожника, где Муха пряталась?.. Разучился докладывать, что ли, я тебе устрою похмелье красивое! – по-настоящему возмутился Зубр, хотя одновременно его приятно задело растяжное «кра-си-вая». Он слышал о привлекательности чернявой врачихи со сросшимися у переносья бровями и сейчас захотел ее увидеть, принять спасительное участие в ее судьбе – тридцать лет бабенке! Он и дальние виды имел на нее.

Сова подобрался.

– Ночью Шурка вышел ко мне, рожу его не разглядывал...

– Ты не гоношись... – резко, чего-то не досказав, оборвал Зубр. – Докладывай!

– Велел Шурка в сарае подождать, запер меня, урод, а там кто-то стонет... Думаю, пришибли тут кого-то, сейчас до меня доберутся... Чего Сашка меня запер? Наган достал, он безотказный. Рукой стал шарить, а этот как хрюкнет, я и обалдел.

– К чему ты мне это? – помягче спросил Зубр. – Специально нервы колешь? Хочешь, чтобы я подумал, на тебя белая горячка находит?

– Да нет же, друже Зубр, как раз нервишки-то твои и желаю поуспокоить. Надо было бы мне этого порося с собой прихватить...

– Ну, будет! О ней говори, – прервал Зубр.

– Привел под крендель, по тихой доставил, не спрашивая, это дело ваше, хозяйское. Так что, кроме того, что рука у нее полная и мягкая, ничего сказать не могу, некогда было.

– Ну и на том спасибо. В схрон не спускайся, полезай на горище, понаблюдай, обдует там тебя. Артистка вот-вот должна прийти, не мешай. Через два часа уйдем, понял?

...Алекса всхлипнул и с кулаками набросился на Дмитро, когда тот, долговязый, наполовину влез в схрон. Но ударил слегка, а потом ухватил под мышку своего, можно сказать, единственного на белом свете друга и засуетился, изливая:

– Бросили, думал... а куда я?.. Тут с ума один сойдешь... Есть будешь?

– Давай, – уселся на место Зубра в уголке Дмитро. Его снисходительное старшинство, покровительственный тон в голосе Алекса охотно принимал – без верховодства не знал, куда шаг ступить.

Ради такого случая обрадованный Алекса достал колбасы, припрятанный кусок рафинада, несколько уцелевших, по краям разрушившихся сухарей, извлек опротивевшее изжелтевшее сало, ножом привычным движением отхватил развалистые дольки. Ножу Алекса уделял больше внимания, чем самому себе.

– Как там на людях-то? – поинтересовался он.

– Каких людях? Я не был на них, – очищая с колбасы заплесневелый белый налет, ответил Дмитро. – Тут вроде дома, привыкли с тобой. А там пошкарней, да звуки вроде не те, уши на макушку лезут.

Оба голодно чавкали.

– Куда пойдём-то, мне можно сказать? – решился спросить Алекса и в оправдание любопытства добавил: – Все равно ж скоро выходить.

– Почему же не можно, обязательно нужно, сам Зубр велел сначала обговорить все в закутке, чтоб наверху, когда пойдём, ни звука, кроме условного сигнала для связи. – Дмитро дважды тихо свистнул, потом уточнил: – Ночью далеко слышно, громко не надо.

– Мы что, врозь пойдём, зачем сигнал? – не понял Алекса.

– Не торопись, объясню. Пойдём ночью, проход проверим полем и лесом. Надо прощупать, нет ли постов-засад. Идти будем заходным маневром: то я тебя обхожу, то ты меня. Оторвался, стой, слушай. Не уверен, звук подай. Дальше пятидесяти шагов не делай. Скользи живо, как нож в масле. Не забегай и не отставай.

– Ясно, друже Зубра поведем, – вырвалась догадка у Алексы.

– Этого я тебе не говорил и от тебя выпытывающих слов не слышал... Погоди-ка, – спохватился Дмитро. – А где длинноногая Сорока, ему Зубр велел по шее дать и гнать отсюда с темнотой. Да он смотался, вижу.

– Сбежал, сволочь, одного оставил. Я ему хотел пулю всадить в заднюю мишень, да схрон выдать побоялся. Не нравится он мне.

– Если перебить всех, кто не нравится, мы с тобой одни на миру остались бы, – криво усмехнулся Дмитро.

– Маньку с Панькой еще бы себе оставили, – глуповато хихикнул Алекса, совсем оттаяв.

– Это само собой, – не раздумывая, согласился Дмитро, но немного погодя поинтересовался: – Каких таких Маньку с Панькой?

– Да я так, для складу, какая разница, Танька иль Паранька, я бы их через одну перевешал.

– Что ты так? Мне они плохого ничего не делали, даже наоборот.

– Все они дешевки. Ты разве не знаешь, за что я толстую Фроську посередь села в пузо расстрелял?.. Не говорил тебе? Брательника мово заложила, на хате у нее погиб.

– Откуда ты знаешь, что она продала его? Чекисты у таких на хате не трогают никогда.

– Тронули вот, откуда им было знать, что Трифон той ночью придет к ней. Она ревновала его шибко, грозила.

– Ну, раз грозила, значит, напросила... Собирай-ка харчи, чтоб не шакалить нам, заходить никуда не будем. И соснем давай. Туши свою мигалку.

Труднее занятия, чем сесть написать письмо, а тем более составить донесение, что иногда Артистке доводилось делать, она не знала. Писать она умела, но выразить свои мысли на бумаге коротко и последовательно не могла.

И все же решила лично изложить Хмурому о выполнении его поручения, поэтому быстро вернулась от Варвары домой, заперла дверь и села писать. До темноты оставалось достаточно времени, а раньше в дом Яшки Бибы ей появляться было нельзя.

От одной мысли, что сам Хмурый будет читать и вдумываться в содержание написанного, Артистка трижды начинала выводить слова на страничке из ученической тетради, но каждый раз бралась за новый листок: то написала без должного обращения, то не упомянула, о ком идет речь, то строка поползла вкривь. И уже в сердитом напряжении она наконец сносно вывела первые строки и пошла, пошла, не останавливаясь:

«Друже Хмурый!

Интересующий подполковник получил прозвище Стройный, прибыл неделю назад без семьи, имеет жену красивую, дочь, живет временно на квартире Степаниды, на Лесной улице, 4, во дворе огород, небольшой сад, в углу уборная, возле крыльца кобель в будке. У Степаниды дочь, а сын утонул. Стройный с утра до ночи на работе в управлении безопасности, иногда приходит под утро...»

Артистка прервала письмо, решив, что слова «иногда приходит под утро» надо заменить, потому как чекист всего ночь провел на новой квартире, а до этого из управления почти не выходил, значит, и ночевал там. Иначе ее могут заподозрить в неточности, а это поставит под сомнение правдоподобность всего, что она дает в донесениях.

И она исправила:

«...с утра до поздней ночи мотается по делам безопасности и сегодня в 16 ч. 40 мин. выехал с тремя своими сотрудниками в неизвестном направлении на зеленой военной легковушке под номером ЛН 08–71».

Подумав, что бы еще написать, добавила:

«...На этой машине он дважды замечен в городе. В одиночку его не видели. Внешнее впечатление: быстрый, взгляд тяжелый. Видно, держит в напряжении подчиненных, от него никому покоя не будет. Он допрашивал жен арестованных...»

Подобрав губы, она решительно зачеркнула незаконченную подробность насчет жен арестованных, решив, что эта ее выдумка ни к чему, проверить могут. И, вычеркнув ее, перечитав все написанное, Артистка не поленилась переписать донесение. А когда закончила, ей показалось, она совершила что-то небывалое. И сознание своей значимости вновь вернулось к ней.

Она пришла в дом Яшки Бибы строгая, с чувством собственного достоинства, властно сказала встретившей ее Явдохе:

– Позови Зубра, и живо!

Тот, к удивлению Артистки, сам вышел на голос.

– Рада, что могу тебя еще раз повидать.

– Я больше чем рад. Еще бы немного – и не застала.

– Тогда давай живо о деле. Вот это передай Хмурому, что он поручил мне, – сделала ударение на «мне», – выполнила молнией. А с этими двумя «грипсами» можешь ознакомиться.

Зубр не выдержал:

– Я знаю, что мне следует читать, а что нет. Прочту о деле без рекомендаций.

– Я рекомендую, значит, стоит познакомиться, советую, – смягчила она, – а то поленись или не догадаешься, пользу свою упустишь. – И она стала рассказывать о предатель-

стве Дорошенко, о том, как выручила врачиху Моргун и связного Ложку, о том, что Скворец, связной Угара, в больнице.

Опасаясь, должно быть, как бы Артистка не перечислила еще с десятков эпизодов своих подвигов, Зубр обнял ее за плечи и довольно искренне похвалил:

– Труженица ты незаменимая! И за это я люблю тебя. Буду ходатайствовать о твоём поощрении.

– Слава богу! – как-то невольно вырвалось у польщенной Артистки, понявшей вдруг преждевременность возгласа.

– Я постараюсь, – выдав в некотором роде вексель, сказал Зубр и успокоил Марию сообщением: – Ты о Сороке волновалась. Жив твой родич, в Торчинскую больницу его уволокли с аппендицитом. Сова разнюхал.

– Я и не думала, чтобы ты его обидел.

– Да хочешь знать, чтобы не накликать твой гнев, я не знаю, что сделаю! – достал он вдруг из кармана приготовленную коробочку в черном атласе, раскрыл и достал две золотые сережки с красным рубином, без слов привлек к себе Артистку и продел ей в уши подарок, сказав как-то официально: – Вручаю тебе от меня, Мария!

Все это он совершил так быстро, что Артистка не успела даже слова произнести. Пальцами потрогала сережки и вдруг сграбастала Зубра сильными руками, уткнув его носом себе в грудь, а потом заломила голову и поцеловала в губы.

– Ой, с ума сойти можно, красавица ты моя ненаглядная! – вырвался из крепких рук Артистки Зубр и, выскочив из комнаты, выдохнул: – Живи тыщу лет! Тебе надо!

... Когда Мария ушла, Зубр помедлил спускаться в схрон, прошелся из угла в угол, нервно сел на лавку, сгорбился, обхватил руками голову и несколько минут сидел так, будто бы все еще отходил от поцелуя Артистки. Но Зубр думал не о ней. Он никак не мог решиться взять врачиху Моргун с собой. Слишком секретный предстоял переход, где ни одного постороннего человека быть не должно. К Хмурому путь! Нарушишь жесткие правила конспирации, заплатишься головой. Тайком провести Муху с собой невозможно. А оставлять ее у Бибы он не хотел. Желал побыстрее приблизить женщину к себе, не задумываясь о согласии – оно ему не требовалось.

Зубр вдруг резко поднялся, с решимостью пошел к лазу.

Глава 15

Над Ступинским лесом светила луна. Можно было продолжать путь – до лесничества оставалась самая малость: выйти напрямки к берегу речки и дальше вниз по течению не больше километра. Низко пригибаясь, Сухарь отправился скорым шагом через просеку. Эта пробежка напомнила ему точно такой же путь в лесу, у самой границы на Львовщине, в канун войны. Тогда он тоже шел на встречу с оуновцами из-под Грубешова на польской территории. Доставил им приказ об организации вылазок и нападения на части Красной армии в случае войны. С содержанием этого приказа прежде других ознакомился Поперека, бывший в то время старшим батальонным комиссаром, заместителем начальника особого отдела 6-й армии КОВО.

Антон Тимофеевич старался неслышно скользить подошвами по мягкой, травянистой земле. Он так увлекся осторожностью передвижения, что треснувшая вдруг под ногой ветка вспугнула его и остановила на полшаге. Сухарь прислушался. Сквозь глухую тишину доносилось журчание воды. Он вспомнил неширокую речку, в которой ловил раков, знал, что если возьмет чуть левее, то выйдет на лесную дорогу, а по ней прямо к дому лесника.

Волнение охватило Антона Тимофеевича, едва он постучал в слабо освещенное окно, теплом обдало его грудь – встреча с родными всегда чувствительно задевала его.

Дядько Селиван, кряжистый, как и батька Антона, белоголовый старик, встретил племянника с восторженным причитанием не хуже тетки Ивги, засуетился у стола, не зная, чем и приветить желанного гостя, уцелевшего в небывалой войне.

– Бабка-то вчера к Маньке умотала, шестого родила, одурела баба, по нонешнему времени двое одного не прокормят... Ну а ты, ты-то как? На похороны Тимоши-то я не попал, месяца два спустя узнал. Да и ты, слышал, батьку не хоронил. Вот она, жизнь-то, околеешь тут под деревом, зайцы стороной обходить станут, люди нескоро същут.

– Да что же ты себя хоронишь, здоровый такой? Нытиком вроде не был.

– Заноешь, когда нутро дерет.

– У врача-то был? Что он говорит?

– А-а... – отмахнулся старик. – Ты-то как? Садись поешь да рассказывай. Иль с дороги поспать охота? Отоспишься в моей глуши.

Антону Тимофеевичу совсем не хотелось спать, он достаточно отдохнул в дороге. К тому же ему очень не терпелось поговорить, рассказать все о себе, узнать обстановку, войти, как выразился бы Поперека, в атмосферу жизни.

И он поведал родному дяде свою горькую судьбину, связанную с пленом, не забыв упомянуть и о происшествии в селе Бабаеве, откуда пришлось бежать, отстреливаясь. Дядько Селиван вздыхал и охал, потом сходил во двор, прикрыл ставни. А вернувшись, не знал, что сказать, скорбно поглядывал на племянша.

– ... У меня, конечно, не найдут, – начал он осторожно. – Милиция, говорю, не доберется, что-нибудь придумаем. Но тут другая, понимаешь, на пути пень-колода. Ходят тут разные люди, которые скрываются в лесу, наверное, знаешь, о ком я говорю, прознают, к себе увлекут. А у них и вовсе гибельно.

– Бандиты, что ли? – не ахти какую догадку проявил Антон Тимофеевич, довольный, что все пошло как надо.

– Не вздумай при них ляпнуть «бандиты», кишки выпустят. Они заходят иногда. Да вот вчера были.

– Дядь! У тебя с ними дела какие?

– Никаких делов. Бывает, оставляют продукты, переднююют, раненых пару разов оставляли. Возразишь, брыкнешься, башку оторвут. Что я тут один с ними в лесу? Ладить приходится. Нынче, видать, придут, днем тут один кабана в погреб на снег положил.

– Смотри, как бы тебе чекисты не накостыляли.
– И они заходят иногда.
– Со всеми ладишь, – уже тоном упрека сорвалось у племянника.
– Лажу, – простодушно признался старший Сухарь. У него пропал интерес продолжать разговор. Предложил, беря лампу: – Пошли спать. Разберешь себе в передней.

– Спасибо, иди сам туда. Мне нынче охота на печке, забыл уж, когда валялся на ней. Вот и полушубок, кстати, постелю.

– Шел бы ты, Антон, в горницу, – просяще предложил дядько Селиван. – Вдруг явятся эти, ну, из леса которые, тут сразу разглядят – давай ответ, кто да что. А туда они редко суются.

– Не беспокойся, не съедят они меня. Можешь рассказать, кто я и чего прибежал к тебе. Они с документами могут помочь. Иначе труба мне...

– То-то и оно. Беда-то какая! Ума не приложу... – запричитал дядько Селиван, ложась тут же возле печки на топчане, будто бы не желая оставлять племянника один на один со своей бедой.

...Под утро в окно постучали сильно и требовательно. Не зажигая огня, дядько Селиван открыл дверь. В прихожку шумно ввалились трое, и по тому, как один из них зажег спичку, привычно снял стекло с лампы, подпалил фитиль, было видно – бандиты тут как дома. Антон Тимофеевич вполглаза наблюдал за ними с печки.

– Мы ненадолго, Селиван. Кривой принес кабана?

– Доставил, в погребу на снегу.

– Добро. Жалко ты, старый хрыч, не умеешь колбасу делать, волокиты теперь... А тут спешить надо, напоролась мы нынче на «ястребков», как бы сюда не пришли. Уйдем, не трясись, я посты расставил.

Говоривший был среднего роста, мужиковат и угрюм, со скрипучим, хрипловатым голосом. Он присел было у стола, пока двое других пошли за тушкой бобра, как вдруг заметил выглядывающую с печного полога черноволосую голову. Живо подошел к спящему, оглядел.

– Кто это? – настороженно спросил он лесника.

– Свой, племянш мой, сын моего брата. Дурак, чего-то натворил в Бабаеве, схватили его, а он обезоружил «ястребка» и убежал со стрельбой, говорит, может, и убил кого-то.

– Куда же он метит? Тут ему ни к чему отираться, завалит наш постой. Разбуди-ка!

– Хочу вечером отправить... Забота еще мне, пень-колода. На станцию повезу, провожу.

– И куда же он метит?

– К дочери моей, в Тернополь, к Маньке, там и старуха моя. Переждет.

– Поймают в городе... Как зовут-то его? Буди давай!

– Антон... Сухарь Антон.

Племянник сделал вид, что только проснулся, ничего не понимая, вяло спустился с печки.

– Милиция пришла! – скрипуче выкрикнул бандит и подскочил на лавке. – А он глазищи не продерет, убивец. Тюкну сейчас гирькой по башке, мигом зенки раскроет.

– Чего надо? – спросил Антон Тимофеевич и – к дядьке: – У тебя там похмелиться не найдется?

Лесник вытаращил на него глаза, но тут словно на выручку пришел верховодящий бандит, с ухмылкой заговорил:

– Дак он с похмелья, паразит. Ничто не мило ему и тюрьма не страшна. – Он достал фляжку и плеснул в кружку самогонки. – Хватани, герой, ты заслужил.

«Дернуло с языком, напоролся», – клял себя чекист, изображая удовольствие от выпитого. А потом ему пришлось рассказать все, что произошло в Бабаеве.

– А попал ему в башку-то, «ястребку»?

– Мне бежать надо было, а не разглядывать.

– Точно говоришь? Смотри, проверим. Давай знакомиться. Кузьма Кушак, а это мои хлопцы, – кивнул он на вошедших парней.

– Антон, фамилия Сухарь.

– Псевдо успеешь себе придумать, если возьмем к себе. Собирайся живо, нельзя тебе в Тернополь.

– Мне и тут хорошо.

– А мне лучше знать, где тебе будет ладно. Сюда НКВД вот-вот может налететь. А ты уже в розыске, хоть обрейся и нос набок свороти, найдут. Помогу тебе надежно, понравился ты чего-то мне. Собирайся, говорю, пойдешь с нами. А ты, Селиван, в случае чего нас тут не видел. Понял?

... Не в правилах Зубра было возвращаться в схрон, из которого ушел, тем более с опасением, как бы там не накрыли. Но делать нечего, пришлось ночью свернуть с маршрута, чтобы укрыть Муху. Вконец застрашал ее Зубр чекистами и тюрьмой.

Прощался с ней в схроне с покровительственным поцелуем в лоб, наставляя:

– Неделю потерпи одна, пришло за тобой, с комфортом заживешь... тут и еда, и покой. Не вздумай уйти... Не вздумай!

По лесу группа отправилась напрямки в сторону Боголюб: впереди Дмитро, за ним через сотню шагов Сова, постоянно сходясь и расходясь, сверяя направление. А уж за ними в некотором отдалении шел Гринько – надрайонный главарь Зубр со своим телохранителем Алексой.

Лесистые холмы подсказали, что вышли южнее Рушниковки. Прилично отмахали на одном дыхании – больше двадцати километров, присели накоротке. И только тут Гринько пожалел о том, что не оставил Муху в Рушниковке у рябого драчуна Помирчегго. При этом он даже не вспомнил о препятствии, которое не допускало устраивать там разыскиваемую женщину: в просторном схроне под домом находилось пропагандистское гнездо.

До рассвета оставалось около двух часов, можно бы успеть преодолеть огромное поле и проникнуть в Боголюбский лес. Дмитру с Алексой в непроглядную темень здесь, на кочковатой полянке, все было знакомо на ощупь – в пятнадцати метрах под березой находился лаз в схрон, в котором они жили с Зубром в начале ушедшей зимы.

Без труда выйдя к березе, Дмитро сразу нашел присыпанную землей ляду, сунул руками к стволу и нащупал металлическую коробку, извлек ее из-под корня. В коробке, как и ожидалось, лежал скрученный «грипс».

Укрывшись пиджаком и включив фонарик, Зубр прочитал предназначенное ему короткое предписание, подписанное Рысью – эсбистом Хмурого. В нем указывалось, чтобы дружка Зубр приказал своим спутникам укрыться в бункере возле горелой поляны, сдал им оружие и отправился на запад. Пройдя полтысячи шагов, он должен остановиться и подавать условные сигналы. О селе Боголюб в «грипсе» не было ни слова.

«Что это может значить?! – ошпарила Зубра сама подпись – Рысь, обрубающая настораживающий текст. – Служба безопасности! Она с добром никогда не вмешивалась. Не удавкой ли тут пахнет?»

Гринько еще никогда не предлагали сдать оружие. Именно это обстоятельство прежде всего заронило тревогу, а уж подпись эсбиста Рыси разожгла ее. И он засомневался, стоит ли ему идти одному на запад эти полтысячи шагов. Но в то же время знал, возникающие сомнения не приведут его ни к какому решению, кроме одного, предписанного ему: оставить попутчиков, сдать им свое оружие и пойти по указанному пути. Иного ему не дано. С СБ шутки плохи, она и невиновных на тот свет отправляет.

Зубр подозвал к себе попутчиков.

– Вы останетесь здесь, в схроне, до моего возвращения, – не очень уверенно произнес он и с нажимом добавил: – Нате, возьмите мое оружие, у нас новые порядки заведены.

Глава 16

Как же неузнаваемо может перемениться человек, окажись он на самом что ни на есть своем месте в деле! Его прямо-таки не узнать становится, преобразится весь. Точно так переменялся лейтенант Проскура с той минуты, когда усвоил свою предстоящую роль: пойдет с паролем в дом, где последний раз был Скворец – связной Угара, чудом оставшийся в живых, о чем пока ни одна бандитская душа не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.